

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 369 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

XXVI

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО Я. В. СТЕФАНОВИЧА Л. Г. ДЕЙЧУ

Л. Я. Лурье, А. Б. Рогинский

1 марта и его итоги показали практическую несостоятельность методов, которыми правительство боролось с революционерами, а революционеры с правительством.

Власти, потрясенные царубийством, находились в растерянности. Ожидались новые покушения, поэтому откладывалась коронация Александра III. В правительственных кругах столкнулось несколько группировок, и было очевидно, что окончательный перевес будет за той, которая предложит наиболее эффективные способы борьбы с революционерами.

Теперь власти окончательно поняли, что «Народная воля» — не кучка террористов, охотившаяся за царем, а реальная политическая сила, которую невозможно уничтожить одними репрессиями.

Это новое отношение к революционерам заставило изменить традиционные приемы сыска. Так возникла «дегаевщина» — провокация невиданных до тех пор в России размеров.¹ С другой стороны, у некоторых представителей высокопоставленных кругов, составивших «Священную Дружину», появляется идея вступить с революционерами в переговоры, найти временный компромисс, способный дать передышку от террора.²

¹ См.: Дегаевщина. (Материалы и документы). — «Былое», 1906, № 4, с. 18—38; Н. Маклецова-Дегаева. Судейкин и Дегаев. — «Былое», 1906, № 8, с. 265—272.

² См.: Д. Заславский. Взволнованные лоботрясы. М., 1931; М. К. Лемке. «Святая Дружина». Рукопись. — ОР ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, № 16. Есть свидетельство, что кроме «Священной Дружины» какие-то контакты с революционерами искали тогда и оппозиционно настроенные генералы Скобелев и Драгомиров (С. Иванов. К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов. — «Былое», 1907, № 9, с. 198—200).

В наиболее выгодном положении оказались деятели департамента полиции, которые могли сочетать оба эти метода (провокацию и переговоры). В их руках сосредотачивалась вся информация о «Народной воле». Их работа была, по существу, бесконтрольной. Им не нужно было, как «Священной Дружине», посылать посредников за границу для того, чтобы найти контакты с революционной партией. Для этой цели они могли пытаться использовать кого-нибудь из арестованных. Значение, которое приобрели в этот период отдельные чиновники политической полиции, было гораздо выше соответствовавшего их должностям. Между тем, призванная разрушить «Народную волю», система провокаций развращала, в первую очередь, самих ее создателей. Только в таких условиях могла родиться известная авантюристическая затея жандармского подполковника Судейкина.

Сложная политическая игра, которую вели в разной степени все, вступающие в отношения с революционерами, непременно влекла за собой нарушение традиционно сложившихся иерархических норм бюрократической верхушки. Подчиненный мог действовать за спиной начальника (Судейкин и, возможно, Плеве), «верноподданные» создали, по сути дела, самостоятельную тайную политическую организацию, «Священную Дружину», конкурировавшую с правительственными учреждениями и т. д.

В то же время «Народная воля» сама была обескровлена многочисленными арестами. Силы ее явно преувеличивались противником. В партии крепло убеждение в необходимости поисков новых методов борьбы.

Именно в этот период к «Народной воле» присоединился Яков Васильевич Стефанович (1853—1915), одна из самых крупных и, одновременно, спорных фигур в русском революционном движении 1870—1880-х гг.

Участник «хождения в народ», один из лидеров Киевской коммуны, он приобрел всероссийскую известность благодаря «Чигиринскому делу», когда в 1876 г., изготовив подложные царские грамоты, сумел создать единственную за все время народнического движения крупную крестьянскую боевую организацию. «Чигиринское дело», создавшее Стефановичу в революционном мире репутацию выдающегося организатора, в то же время дало толчок спорам, много лет не утихавшим вокруг его имени, — об этичности употребленного Стефановичем приема «обмана народа, хотя бы для его блага, и поддержания гнусной царской легенды, хотя бы с революционными целями».³

Известность Стефановича особенно возросла после его смелого побега вместе с Л. Г. Дейчем и И. В. Бохановским из Киевского тюремного замка. Побег был устроен землевольцами. В 1878 г. Стефанович эмигрирует, а летом 1879 г. возвращается в Петербург, куда в это время съезжаются участники Липецкого и Воронежского съездов. Показательно для репутации Стефановича, что в наметившемся размежевании «Земли и Воли» (в эту организацию Стефанович был принят заочно на Воронежском съезде) на него рассчитывали и будущие народовольцы, и будущие чернопередельцы.⁴ Сам он, по-видимому, вначале колебался, но затем сделал выбор, став

³ С.-Степняк-Кравчинский. Сочинения. Т. I, М., 1958, с. 396. Отметим, впрочем, что в 1870-х гг. методы Стефановича вызывали меньше нареканий, чем в начале XX в., когда дискуссия о них развернулась на страницах Вольной русской прессы. См. об этом свидетельство Г. В. Плеханова в кн.: А. Тун. История революционного движения в России. СПб., [1906], с. 71.

⁴ Н. Морозов, например, подсчитывая на Воронежском съезде силы террористов, включил в список и Стефановича (Архив «Земли и Воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 152). См. также: О. Любатович. Далекое и недавнее. М., 1930, с. 54—55; «Группа «Освобождение труда», сб. № 3. М.—Л., 1925, с. 206.

основателем и, наряду с Плехановым, общепризнанным руководителем «Черного передела».⁵

Когда планы нового «Чигиринского дела» (но без подложных царских грамот) сорвались, он, в самом конце 1879 г., вместе с Г. В. Плехановым, Л. Г. Дейчем и В. И. Засулич вновь эмигрировал в Женеву.

Чернопердельцы рассчитывали вскоре вернуться в Россию, но это оказалось непросто. Мешали и материальные затруднения, и то, что на родине «Черный передел» практически распался. Большинство его участников примкнуло к «Народной воле», которая, по сути, монополизировала революционное движение. Уже в 1881 г. для эмигрантов, желавших вернуться в Россию, возвращение на работу в подполье означало на деле необходимость вступления в «Народную волю».

Народовольцы в период расцвета партии не стремились привлекать в свои ряды эмигрантов. Только после 1 марта, по мере того, как в России арестовывали одного за другим опытных революционеров, «заграничники» стали постепенно приобретать все большую ценность в качестве ближайшего резерва «Народной воли».

Однако простое механическое присоединение к «Народной воле» для многих революционеров, оказавшихся за границей, было невозможно, так как их разделяли с народовольцами принципиальные политические разногласия. Меньше других это препятствие касалось Я. В. Стефановича, практика по преимуществу. Видимо, уже к началу 1881 г. он пришел к мысли, что «другой, новой организации никакие силы теперь в России создать не могут»⁶ и считал необходимым объединение всех революционных сил под знаменем «Народной воли».

К тому же он дважды получал приглашение от народовольцев, вначале от С. Л. Перовской, а затем, после 1 марта, от Л. А. Тихомирова. Он вернулся в Россию первым из эмигрантов-ненародовольцев — осенью 1881 г. По замыслу Стефановича и его единомышленников заграничной, после того, как он достигнет «формулы соединения», в Россию приедут Засулич, Дейч, Кравчинский и ряд других эмигрантов.

Стефанович был принят в члены Исполнительного комитета, присоединил к «Народной воле» часть находившихся в России чернопердельцев, предложил тогдашнему лидеру партии, Тихомирову, план союза с польскими революционерами,⁷ занимался пропагандой среди рабочих,⁸ пытался создать тайную организацию среди сектантов.⁹

Но, несмотря на эту активную деятельность, Стефанович, по-видимому, внутренне был связан с эмиграцией больше, чем с «Народной волей». За границей оставались друзья: Дейч, Плеханов, Кравчинский, Засулич, Бохановский, Аксельрод, Игнатов, Дебогорий-Мокриевич, Хотинский; на родине он был мало с кем лично близок. Хотя Стефанович и принял основной тезис

⁵ Колоритные воспоминания о Стефановиче как об «идоле» чернопердельцев оставил О. Аптекман. См.: О. Аптекман. «Черный Передел». В кн.: Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг. М.—П., 1922, с. 92—94.

⁶ «Группа «Освобождение труда», сб. № 4. М.—Л., 1926, с. 222—223.

⁷ Как свидетельствует Тихомиров в неопубликованном очерке «Я. Стефанович», тот хотел «основать новый Комитет из трех лиц: себя, меня и Людвигу Варынского. Стефанович предложил, что он будет действовать среди народников-землеольцев, я — среди народвольтев, Варынский — в «Пролетариате» и, составивши тайный высший центральный комитет, будем направлять к одной цели эти три организации». (ЦГАОР, ф. 634, оп. 1, № 33, лл. 13—13 об.). Тихомиров здесь путает «Пролетариат» и группу «Рвуность».

⁸ В. С. Панкратов. Воспоминания. 1880—1884. М., 1923, с. 41—43.

⁹ В пропаганде среди сектантов были употреблены методы, сходные с «чигиринскими». См.: ЦГАОР, ф. 634, оп. 1, № 33, л. 14.

народовольческой программы этого периода — тактику захвата власти, но ряд существенных вопросов народовольческой деятельности рассматривался им с точки зрения «заграничников», а не Исполнительного комитета. Так, например, ему не нравился народовольческий «централизм», он возражал против публикации прокламации Романенко, приветствовавшей еврейские погромы на Юге, считал, что партия уделяет слишком мало внимания пропагандистской работе и т. д. В Исполнительном комитете Стефанович занимал особое место: не будучи представителем какой-либо конкретной революционной организации за границей, он и сам себя ощущал, и другими членами комитета воспринимался как посредник в отношениях между народовольческим центром и эмиграцией.

В свете этого особенное значение приобретала его связь с заграничной, которую он поддерживал путем регулярной переписки со своим интимным другом Дейчем.¹⁰ Для народовольцев письма Стефановича Дейчу были каналом связи, по которому передавались поручения и просьбы, связанные с различными партийными предприятиями, в первую очередь, созданием журнала «Вестник «Народной воли» и с учреждением за границей филиала народовольческого «Красного креста» (идея обоих этих предприятий принадлежала Стефановичу). Для оторванных от России революционеров его письма имели огромное значение не только из-за обилия сообщаемых в них сведений, но и потому, что Стефанович оценивал происходившие в партии процессы несколько отстраненно, глазами недавнего чернопередельца и эмигранта.

Последнее обстоятельство вызвало в среде Исполнительного комитета некоторую настороженность по отношению к Стефановичу и его переписке с Дейчем.¹¹

Деятельность Стефановича в «Народной воле» продолжалась менее полугода — 5 февраля 1882 года он был арестован.

Однако, как ни удивительно это было для современников, с арестом его переписка с Дейчем не оборвалась. С разрешения Плеве, он послал Дейчу телеграмму, в которой просил его не приезжать в Россию, куда тот собирался со дня на день. Через руки Плеве проходил и дальнейшая переписка Стефановича с Дейчем, не прекращавшаяся до самого суда.

Никогда раньше не случалось, чтобы два революционера, один из которых находился в тюрьме, а другой — в эмиграции, осуществляли между собой связь с помощью охранки. Это естественно породило слухи о неблагоприятном поведении Стефановича на следствии. Слухи, казалось, нашли подтверждение в речи Стефановича на суде (он судился по «Процессу 17-ти»

¹⁰ Стефанович писал Дейчу ежедневно, «химией», на внутренней стороне бандероли с газетой «Московские ведомости». Содержание некоторых писем известно по их изложению в переписке Дейча с Лавровым (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 1, № 268), Кравчинским (ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, № 268), Присецким («Группа «Освобождение труда», сб. № 4, с. 222—223) и некоторыми другими. Кроме того, пересказ нескольких писем содержится в «Карийских тетрадях», воспоминаниях, написанных Дейчем по просьбе Стефановича в Карийской каторжной тюрьме в 1889—1890 гг. (Архив Дома Г. В. Плеханова, АД. 10. 2). Здесь Дейч, обращаясь к Стефановичу, писал: «Ввиду того важного значения, которое имело твое пребывание в России для многих, оставшихся за границей, я сообщал содержание твоих писем, как бывшим в Женеве, так и в сокращениях, находившимся в разных городах Европы: Сергею — в Милан, Павлу — в Цюрих, Лаврову — в Париж, Мишке и Росселю — в Болгарию, Присецкому — в Сербию и т. д.» (Архив Дома Г. В. Плеханова, АД. 10. 2., лл. 14—15. По именам названы соответственно: Кравчинский, Аксельрод, Дебогорий-Мокриевич).

¹¹ Много позже А. П. Корба вспоминала, как М. Н. Ошанина рассказывала ей в конце 1881 г.: «<...> двойственность поведения Стефановича замечалась всеми нами. Он держал себя особняком от других членов комитета <...>» («Былое», 1924, № 25, с. 284).

в апреле 1883 г.), которую Кравчинский назвал «криводушной»,¹² и в удивительно мягком, по тогдашнему времени, приговоре ему (8 лет каторги).

О том, что же в действительности произошло со Стефановичем во время следствия, стало известно из двух его писем к Дейчу, пересланных тайно от Плева. Их Стефанович передал на волю перед самым судом через своего защитника Е. И. Кедрина. Эти послания, написанные симпатическими чернилами, были «смазаны» и впервые прочтены еще в Петербурге. По-видимому, это сделал провокатор Дегаев, который и передал их за границу, но не адресату, а находившимся в то время в эмиграции лидерам народо-вольцев Тихомирову и Ошаниной. Те, в свою очередь, скрыли от Дейча существование писем и вернули их ему только осенью, после шумного скандала.¹³

Именно вокруг этих писем, где Стефанович подробно излагал свои многочисленные разговоры с Плева и Судейкиным, разгорелись самые жаркие споры. Споры шли уже не об этичности методов революционной борьбы, употреблявшихся Стефановичем, а о возможном его предательстве. Совершенно по-разному прочитали письма друзья Стефановича и эмигранты-народовольцы.

Первые хотя и осуждали его поведение, но небогаторочно. Их позиция наиболее полно выражена в позднейшем письме Дейча к Засулич: «Твоих опасений насчет опубликования кем-нибудь его (Стефановича — Л. Л., А. Р.) истории с письмами я нисколько не разделяю и не боюсь этого. Наоборот, мне отчасти жалко, что этого никто не делает, пока Дм<итро> и я живы, а то потом г.г. Богучарские черт знает что напишут. Теперь же мы могли бы установить истинный размер его вины. Несомненно Дм<итро> смалодушничал, но ведь это не такой уж грех, — низости никакой он не совершил, хотя, конечно, ему и малодушие проявлять не подобало».¹⁴

Противоположным образом интерпретировались перехваченные письма в кругу Ошаниной, которая сделала из них вывод о предательстве Стефановича. Отвечая в 1893 г. на вопросы Э. А. Серебрякова о последнем периоде деятельности Исполнительного комитета, она заявила: «Тут были приняты и некоторые другие члены, в том числе и Стефанович, который и провалил скоро всех».¹⁵

¹² С. Степняк-Кравчинский, Ук. соч., с. 402. См. также близкую реакцию Л. Г. Дейча (Архив Дома Г. В. Плеханова, АД. 6. 451, лл. 44—45).

¹³ Вскрытие и задержание писем Стефановича — факт характерный для атмосферы подозрительности и ощущения провокации, царившей тогда среди народовольцев. Не имея возможности подробно остановиться на этом инциденте, который, по ряду свидетельств, явился одним из поводов к разрыву Плеханова и его друзей с народовольцами и самостоятельному их выступлению в качестве группы «Освобождение труда», укажем лишь, что он изложен в «Карийских тетрадах» Дейча и в его же статье «О сближении и разрыве с народовольцами» («Пролетарская революция», 1923, № 8 (20), с. 5—54). С большим количеством фактических ошибок рассказано о том же Тихомировым («Красный Архив», 1928, № 4 (29), с. 139—174). Из «Памятной книжки» Тихомирова устанавливается хронология этой истории («Воспоминания Льва Тихомирова» М.—Л., 1927, с. 155—164).

¹⁴ Архив Дома Г. В. Плеханова, АД. 1/9, 17. Письмо от 7/20. 08. 1913 г. Дмитро — подпольная кличка Я. В. Стефановича.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, № 39, л. 2 об. Последние слова редакция «Былого» не опубликовала, не будучи уверенной, видимо, в истинности сообщения Ошаниной («Былое», № 6, 1907, с. 9). Тогда же «Былое» пыталось получить сделанные в свое время народовольцами копии задержанных писем Стефановича (ОР ИРЛИ, Р III, оп. 2, № 2269). Заинтересовавшийся слухами о Стефановиче редактор «Былого» В. Л. Бурцев писал Г. А. Лопатину: «О нем (Стефановиче — Л. Л., А. Р.) писали, а еще больше говорили, очень тяжелые вещи. Многие совсем неверно, многое иначе должно быть сформулировано. Прежде, чем говорить о нем в печати, я хочу опросить

Крайне неблагоприятные слухи о Стефановиче широко распространились среди народовольцев. Слухи проникли и в Карийскую каторжную тюрьму, в которой находился Стефанович в 1883—1890 гг., а после того как он в 1906 г. выпустил «Дневник карийца», резко расходящийся с основной традицией народовольческой мемуаристики, они возникли с новой силой. Таким образом, задержанные народовольцами письма имели решающее значение для репутации Стефановича.

Многие годы слухи эти циркулировали лишь внутри революционного мира и впервые были вынесены на страницы печати Н. С. Тютчевым в 1918 г. Его статья дала толчок длительной и резкой дискуссии вокруг имени Стефановича между Л. Дейчем и В. Засулич, с одной стороны, и бывшими народовольцами, с другой.¹⁶

В ходе полемики народовольцы утверждали, что Стефанович вступил в «Народную волю» с целью «взорвать партию изнутри и придать иное направление ее деятельности»¹⁷ и что для этого им было написано известное письмо Исполнительного комитета эмигрантам с изложением «тактики захвата власти», которой партия, якобы, никогда не придерживалась.¹⁸

Кроме этого Стефановича обвиняли в том, что во время следствия он вступил в переговоры с Плеве; что факт тюремной переписки с Дейчем косвенно подтверждает его предательство (часть этой переписки была обнаружена в архиве департамента полиции); что «Записка об эмиграции», которую он написал в тюрьме по поручению Плеве и которая была опубликована в 1921 г.,¹⁹ является доносом; что, самое главное, Стефанович выдал члена Исполнительного комитета Ю. Н. Богдановича и, возможно, кого-то еще.

Л. Г. Дейч (1855—1941), оказавшийся по ряду причин после смерти Г. В. Плеханова и В. И. Засулич в некоторой изоляции от других ветеранов-семидесятников, защищал своего бывшего ближайшего друга, воспринимая обвинения против Стефановича почти как личные оскорбления. В соответствии с этим он крайне резко и агрессивно отвечал своим оппонентам. Некоторые обвинения народовольцев ему удалось отвести, другим он давал другую, нежели они, интерпретацию: эпизод с Богдановичем — не преда-

товарищей о нем» (ОР ИРЛИ, ф. 534, оп. 1, № 24, л. 2 об). Ответ Лопатина Бурцеву см.: ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 2., № 1, л. 1. «Былое» так и не высказало своего отношения к Стефановичу.

¹⁶ Н. С. Тютчев. Здание у Цепного моста. — «Былое», 1918, № 4—5, с. 194—229; В. Засулич. Правдивый исследователь старины. — «Былое», 1918, № 7—8, с. 178—191; Н. С. Тютчев. К характеристике Я. В. Стефановича (Письмо в редакцию). — «Былое», 1921, № 16, с. 201—208; Л. Дейч. О сближении и разрыве с народовольцами. — «Пролетарская революция», 1923, № 8, с. 5—54; Он же. Так пишется история. — «Группа «Освобождение труда». Сб. № 2, М.—Л., 1924, с. 346—359; В. Фигнер, А. Прибылева-Корба, Г. Чернявская-Бохановская, А. Прибылев. Л. Г. Дейч и «Народная воля». — «Былое», 1924, № 25, с. 280—289; Л. Г. Дейч. Основательно ли нападение? (по поводу протеста народовольцев). — «Группа «Освобождение труда», сб. № 3, с. 260—277; Он же. Я. В. Стефанович среди народовольцев. — Там же, с. 96—112; А. П. Прибылева-Корба. Мнимое письмо Исполнительного комитета «Народной воли». — «Былое», 1925, № 6, с. 75—83.

¹⁷ «Былое», 1924, № 25, с. 286—287.

¹⁸ А. П. Прибылева-Корба. Ук. соч., с. 78—81. Идея об авторстве Стефановича принадлежала впрочем не А. П. Корбе, а В. Н. Фигнер (ЦГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, № 67, л. 54). Вопрос о подлинности письма Исполнительного комитета (письмо оказалось подлинным, оно написано Тихомировым) решен в статье С. С. Волка «Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к заграничным товарищам» (Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 178—184).

¹⁹ См.: «Былое», 1921, № 16, с. 75—85.

тельство, а случайный промах: «Записка об эмиграции» — не донос, а сообщение известных департаменту фактов, которые никому не могли повредить, и т. д.

Вследствие неудовлетворительности аргументов Дейча в науке 1920-х гг. утвердилось народовольческая точка зрения на репутацию Стефановича.²⁰

В ходе полемики Дейч опубликовал тюремные письма Стефановича, но только те, которые проходили цензуру Плеве и не могли поэтому содержать принципиально важных для дискуссии фактов.²¹ Конспиративные же письма, задержанные в свое время народовольцами, которые во многом могли помочь восстановлению истины, остались неопубликованными, хотя в полемике на них постоянно ссылались и та, и другая стороны. У народовольцев писем тогда уже не было, а Дейча не захотел или не смог их напечатать.²² Сейчас мы этими письмами располагаем. Первое из них, публикуемое ниже, кажется особенно важным.

* * *

Главное содержание письма Стефановича к Дейчу составляет изложение многочисленных бесед Стефановича с директором департамента государственной полиции В. К. Плеве и инспектором Петербургского охранного отделения Г. П. Судейкиным. Беседы не носят характера официальных допросов и скорее напоминают переговоры представителей двух политических лагерей, нежели традиционные отношения между подследственным и полицией. Некоторые темы, затрагиваемые в этих разговорах, разительно схожи с темами, которые спустя несколько месяцев будут обсуждаться Судейкиным и завербованным им народовольцем Дегаевым. Поэтому письмо представляет интерес, и как дополнительный источник по истории «дегаевщины», позволяющий более выпукло представить в ней роль как Судейкина, так и Плеве.

О «дегаевщине» известно, в основном, из статьи Л. А. Тихомирова «В мире мерзости запустения». Здесь, основываясь на признаниях раскаяв-

²⁰ Е. Е. Колосов. Н. С. Тютчев в оценке Л. Г. Дейча. В кн.: Н. С. Тютчев. Революционное движение 1870—80 гг. Ч. I. М., 1925: См. М. Клевенского и Б. Козьмина («Каторга и ссылка», 1925, № 15, с. 254 и № 19, с. 19). Отголоски полемики встречаются в ряде появившихся в ту пору мемуаров. См.: А. В. Прибылев. Записки народовольца. М., 1930, с. 120—123; Ф. Кон. На поселении в Якутской области. — «Каторга и ссылка», 1928, № 43, с. 89—91.

²¹ Группа «Освобождение труда», сб. №№ 3 и 4. При сравнении этой публикации с материалами архива Л. Г. Дейча (Архив Дома Г. В. Плеханова. АД. 4. 263. 3—18) видим, что из 16 находившихся в его руках тюремных писем Стефановича Дейч напечатал только 11, а целиком — лишь 4 (от 10. V. 1882, 22. IX. 1882, 18. XII. 1882, 8. III. 1883). В семи письмах им были сделаны пропуски фраз, абзацев, а в одном случае — нескольких страниц (письмо от 17. I. 1883). Выпущены, в основном, те места, которые могли быть использованы оппонентами Дейча в подкрепление своих доводов. Из 5 неопубликованных писем 2 (от 12. III. 1883 и от 21—22. III. 1883) — те, задержанные народовольцами письма, которые были переданы Дейчу в октябре 1883 г. Кроме этих двух народовольцы задержали еще одно письмо Стефановича от 20. VI. 1883. Копия его находится в фонде П. Е. Щеголева (ЦГИАЛ, ф. 1093, оп. 1, № 280).

²² Ощущая себя в ряде вопросов несомненно правым, Дейч, видимо, считал допустимым тенденциозную публикацию стефановичевских материалов. В результате полемики, где его оппонентами выступали такие всеми уважаемые старые революционеры, как В. Н. Фигнер и А. П. Прибылева-Корба, были порваны даже личные отношения между Дейчем и многими ветеранами-семидесятниками. Это привело Л. Г. Дейча в конце жизни к трагическому одиночеству.

шегося Дегаева, Тихомиров впервые сообщил о плане Судейкина организовать с помощью Дегаева покушения на великого князя Владимира Александровича и министра внутренних дел Д. А. Толстого.²³ Покушения должны были привести правительство в замешательство, и тогда в роли «спасителя отечества» выступил бы Судейкин; произведенные Судейкиным в этот момент аресты революционеров и последующее прекращение террора сразу выдвинули бы его в ряд важнейших государственных деятелей.

Это сообщение предстает достоверным. Неясно только, был ли Судейкин самостоятелен или за ним стояли другие, более могущественные силы.

О том, что в планы Судейкина частично был посвящен Плеве, встречаем единственное упоминание в той же статье Тихомирова. Впрочем, через несколько лет ставший ренегатом Тихомиров в письме к Плеве отказался от этого утверждения: «...я позволил опубликовать переданный мне рассказ о вашем будто бы разговоре с полковником Судейкиным о покушении террористов на жизнь гр. Толстого. Тогда я верил этому рассказу, впоследствии понял, что он — простая тенденциозная ложь, которые тысячами сочиняются о всех высокопоставленных лицах».²⁴

В. К. Плеве, в наших теперешних представлениях, — крайний реакционер. Убитый в 1904 г. Егором Сазоновым, он стал олицетворением полицейского террора. Когда Аблеухов в романе Андрея Белого «Петербург» говорит: «Я — человек из школы Плеве», — то это означает: я — сторонник жесткого зажима любых демократических побуждений общества. Между тем, как мы видим из письма, в сложный, неопределившийся еще период министерства Игнатьева Плеве играл самостоятельную и вовсе не однозначную роль.

Директор департамента полиции, делавший бурную карьеру (свой пост он занял 35-ти лет), Плеве умел искусно менять свою политическую ориентацию.

«Он будет держаться тех мнений, которые он считает в данный момент для него лично выгодными», — писал о нем С. Ю. Витте, отмечая способность этого «умного, хитрого, бессовестного полицейского» двигаться вверх при любых, даже самых крутых переменах в правительственной политике.²⁵

Плеве, по словам Стефановича, явился перед ним в качестве влиятельного деятеля либеральной группировки в правительстве, который, в первую очередь, решает отнюдь не полицейские задачи. Плеве представляет дело следующим образом: его единомышленники, и прежде всего министр внутренних дел Игнатьев, намерены провести в жизнь ряд важнейших реформ. Реакционеры, во главе с великим князем Владимиром и Д. А. Толстым, этому противятся.²⁶ Террор народовольцев играет на руку реакционерам. Поэтому ему, Плеве, необходимо установить искренний контакт со Стефановичем, представителем умеренного крыла «Народной воли», чтобы выяснить в самой общей форме, какие настроения доминируют сейчас в революционной партии.

Для того чтобы Стефанович поверил, что розыскных целей Плеве перед собой не ставит, директор департамента полиции совершает поступок, прямо противоречащий его служебному долгу: организует отправку за границу предупредительной телеграммы Стефановича тому самому Дейчу,

²³ «Вестник «Народной воли», № 2, Женева, 1884, «Внутреннее обозрение», с. 96—98.

²⁴ «Воспоминания Льва Тихомирова», с. 234—235.

²⁵ С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. М., 1960, с. 34.

²⁶ Характеристику расстановки сил в правительстве в период министерства Игнатьева см. в кн.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—80-х гг. М., 1964, с. 379—472.

выдачи которого как особо важного преступника Россия вскоре будет требовать у Германии.²⁷

Кроме этого, Плевэ вызывает Стефановича на откровенность тем, что излагает ему подробности готовящихся реформ. Он рассказывает ему о создании крестьянского поземельного банка, урегулировании условий детского труда, «Земском соборе», амнистии политическим эмигрантам. Факт достаточно необычный: секреты государственной политики (о предполагаемом созыве «Земского собора» знало до определенного времени всего несколько человек в России) сообщаются подследственному политическому заключенному.

Таким образом, Плевэ создает иллюзию «честной беседы», представляющей для обоих ее участников несомненный интерес.

Возникает вопрос, для чего нужно было Плевэ идти на явное нарушение служебного долга. Можно предположить, что для этого у него было несколько мотивов.

Конечно, его действительно интересовали настроения в революционном лагере и он понимал всю ценность освещения их именно Стефановичем, связанным не только с «Народной волей», но и с «Черным переделом», и с эмиграцией, и с польским освободительным движением. Но Плевэ хотел получить и более конкретную информацию. Частично это ему удалось. Он убедил Стефановича, что вскоре последует амнистия политическим эмигрантам и попросил в связи с ней составить «Записку об эмиграции». И Стефанович, поверивший Плевэ, сделал это, подробно описав расстановку сил у «заграничников», хотя по мере возможности и старался преуменьшить значение каждого из упоминаемых революционеров.

Но и этим, по-видимому, не исчерпывались цели Плевэ. Постоянное подчеркивание им реакционности Толстого и особенно великого князя Владимира Александровича, естественным образом наводит Стефановича на мысль о покушении на них, организовать которое он и советует товарищам в подполье.²⁸ Вспомним, что именно Владимир и Толстой были намечены Судейкиным объектами покушения для Дегаева. Вряд ли такое совпадение можно считать случайным.

Вообще, несмотря на то, что Плевэ и Судейкин всячески подчеркивали свою независимость друг от друга, складывается впечатление, что Плевэ своей «откровенностью» создавал нужную почву для переговоров Судейкина со Стефановичем. Судейкин, изображающий из себя почти революционера, даже сторонника политических убийств, предлагает Стефановичу организовать побег с тем, чтобы тот гарантировал временное прекращение террора (до коронации), так как реформы возможны только при этом условии.

Когда Плевэ узнает от Судейкина об этом плане (если он, что более вероятно, не был осведомлен о нем с самого начала), то не приказывает своему подчиненному прекратить подготовку к побегу, что обязан был сделать, а лишь «советует» Стефановичу «не связываться» с подполковником. Таким образом, можно предположить, что Плевэ весьма искусно и острожно, с минимальным для себя риском, вел «предварительную обработку» Стефановича, для того чтобы Судейкину было легче с ним договориться о возможном посредничестве в отношениях между полицией и «Народной волей». Здесь директор департамента и начальник охраны могли быть

²⁷ Характерна реакция на эту телеграмму С. Кравчинского. В марте 1882 г. он писал В. И. Засулич: «... Теперь хочу по поводу Дмитра поговорить, знаете, факт позволения отпривать телеграмму и письмо Женьке — в высшей степени необыкновенный — наводит меня на предположение еще более необыкновенное: они, вероятно, ведут с ним «переговоры» («Группа «Освобождение труда», сб. № 1. М.—Л., 1924, с. 221—222. «Евгений» — подпольная кличка Л. Г. Дейча).

²⁸ Письмо от 21—22. III. 1883 г. (второе конспиративное). — Архив Дома Г. В. Плеханова. АД. 4. 263. 18.

заодно. Но, кроме этого, у Судейкина были, безусловно, и свои виды на Стефановича.

Для него Стефанович, который, как впоследствии и Дегаев, требовал с ним свидания сразу после ареста, был прежде всего подходящим объектом для реализации давно уже, видимо, вынашиваемого плана: сосредоточить в своих руках руководство политической полицией и, через подставных лиц, — революционной партией. Весь план побега, якобы втайне от директора департамента, был позже осуществлен с Дегаевым, той же самой была и система «обольщения». Но Стефанович быстро понял Судейкина и, как следует из письма, относился к нему весьма иронически. Стефанович обставил возможность побега таким количеством предварительных условий, что стала ясна невозможность сделать из него провокатора, и Судейкин потерял к нему интерес.

Постепенно Стефанович терял ценность и в глазах Плеве. С отставкой Игнатьева (примечательно, что Плеве пытался скрыть от Стефановича этот факт) и приходом к власти Толстого окончательно определился реакционный поворот в правительственной политике. Многочисленные аресты народовольцев и собенно вербовка Дегаева в конце 1882 г. позволили властям сделать вывод, что революционная партия не так сильна, как это представлялось раньше.

Теперь директор департамента в Стефановиче больше не нуждался, тем более что полезной для сыска информации тот почти не давал. «При Толстом он далеко не тот, что был при Игнатьеве», — писал Стефанович. Все же Плеве по-прежнему считал его умным и проницательным человеком (позже он назовет Стефановича вместе с Клеменцем и Натансоном самыми умными революционерами в России²⁹) и поручил ему написать «Историю революционного движения в России». В благодарность за уступчивость, проявленную Стефановичем, он добился и смягчения наказания ему.³⁰

Из письма Стефановича становится более ясным образ будущего министра внутренних дел, мастера тонкой провокации, в период нового революционного подъема (в начале XX в.) совершенно естественно покровительствовавшего тем методам, которые сам в свое время опробовал, в частности, на Стефановиче.

Необходимо установить также мотивы, которыми руководствовался в переговорах с Плеве и автор письма — Яков Стефанович. Ни точка зрения народовольцев (предательство), ни мнение Дейча и Засулич (малодушие), не кажутся нам исчерпывающе объясняющими поведение Стефановича. Сам Стефанович, как видно из письма, вовсе не считал себя предателем, хотя и полагал, что в некоторой степени его поведение вызвано малодушием.

Эту автохарактеристику он почти дословно повторит потом и в «Дневнике кариийца»: «Мне не случалось переживать **крутых** поворотов в своих верованиях, убеждениях и в направлениях мыслей. Разные градусы углов зрения, отношение к жизни при большей или меньшей ясности мыслей, компромисс, до известной степени временами мне не чуждо было и чувство малодушия — все это знакомо».³¹

²⁹ Л. Г. Дейч. Я. В. Стефанович среди народовольцев, с. 118.

³⁰ Л. Г. Дейч утверждал, что «Стефановичу была крайне неприятна эта чрезмерная благосклонность Плеве и царя: он говорил мне, что он предпочел бы бессрочную каторгу при том условии, чтобы отбывать ее на Каре». (Архив Дома Г. В. Плеханова. АД. 6. 451, л. 47). Впрочем, сам Стефанович перед отправкой в Сибирь обратился к Плеве с письмом, где благодарил его за смягчение приговора («Красная летопись», 1926, № 1 (16), с. 182—183). После окончания срока каторги Стефанович вновь написал Плеве и попросил его заменить ему ссылку в Якутскую область ссылкой в Забайкалье («Красный Архив», 1928, № 4, с. 44—45).

³¹ Я. Стефанович. Дневник кариийца. [СПб.], 1906, с. 46. При этом заметил, что на официальных допросах Стефанович вел себя так же, как и большинство народовольцев, т. е. подробно рассказывал о собственном

Мы полагаем, что поведение Стефановича на следствии естественным образом вытекало из его общественно-политических и этических воззрений. В течение своей революционной деятельности Стефанович примыкал к различным группировкам с часто противоречивыми друг другу теоретическими установками. «Лаврист» в 1873 г. и крайний «бакунист» в 1874—76 гг., чистый народник (автор одной из программных народнических статей в «Общине») в 1878 г., затем чернопеределец и одновременно, в 1879 г., один из организаторов вместе с Аксельродом второго «Южно-русского рабочего союза» с эклектической программой, содержащей ряд политических требований, наконец, народоволец, разделяющий тактику захвата власти, — так внешне выглядит политическая биография Стефановича за одно десятилетие.

Однако в этом пестром пути была своя внутренняя цельность. Мемуаристы единодушно указывали на нелюбовь Стефановича к «теориям», на его сугубо практические революционные интересы. Вот что писал о нем, например, С. Кравчинский: «Нельзя было не изумляться трезвости его суждений по разным вопросам, которые он рассматривал всегда с очень оригинальной и практической точки зрения, в особенности же — его знанию людей <...> В теоретические же препирательства он никогда не вступает, относясь к ним с величайшим презрением и если ему приходится присутствовать при чтении какой-нибудь «программы» или «объяснительной записки», то он нередко буквально засыпает, о чем свидетельствует его громкий храп...»³²

В деятельности каждой группировки, к которой он примыкал, его интересовали не столько теоретическая основа разделяемого ею учения, сколько те успехи в борьбе с правительством, которых благодаря этому учению могли добиться его адепты.

Прагматизм, определивший политический путь Стефановича, был неразрывно связан с его этическими принципами, которые сложились в начале 1870-х гг. в среде «южных бунтарей».

«Южные бунтари» выработали свою систему этических воззрений, в значительной степени отличающуюся от той, которой придерживались «чайковцы», — революционная организация с центром в Петербурге и с филиалами во многих крупных городах России. Для чайковцев, к принципам которых восходили моральные и этические нормы большинства членов Исполнительного комитета, была характерна коллегиальность в обсуждении всех основных вопросов, когда каждый член сообщества выступал прежде всего в качестве представителя своей организации, не имеющего права ничего за нее решать, а только подчиняющегося ее коллективной воле.³³

В то же время у «южных бунтарей» самостоятельность отдельных революционеров при отсутствии сколько-нибудь сильной организации была гораздо выше, и большинство их начинаний было задумано и проведено в жизнь без предварительного совещания. К примеру, ни Стефанович о

революционном пути, не давая властям улик против своих товарищей. См.: Ш. М. Левин. Из показания Я. В. Стефановича на дознании. — «Историко-революционный сборник», т. 2, с. 405—411. Подробно о поведении народовольцев на следствии см. в кн.: Н. А. Троицкий. «Народная воля» перед царским судом. 1880—1891 г. Саратов, 1971, с. 48—55.

³² С. Степняк-Кравчинский. Ук. соч., с. 395. См. также: П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное. Кн. I. Берлин, 1923, с. 190. О том же самом много писал и Л. Г. Дейч.

³³ Очень интересно в связи с этим замечание Е. Е. Колосова по поводу анонимности народовольческой журналистики, которая, с его точки зрения, «объясняется общими настроениями того времени, а не какими-либо иными причинами. Народнические писатели <...> охотно топили свою личность в великом безымянном коллективе, к которому они, по их сознанию, принадлежали, поэтому не я, а безликое мы стояло у них на первом плане» (Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика. М., 1930, с. 15).

плане «Чигиринского дела», ни В. Засулич о готовящемся покушении на Трепова не сообщали даже своим близким друзьям по «Киевской коммуне».

Поэтому, если В. Н. Фигнер, с которой пыталась завязать переговоры «Священная Дружина», и О. С. Люботович, к которой со стороны следствия сначала была применена та же тактика, что и к Стефановичу, согласно установившимся в «Народной воле» нормам, отсылали инициаторов переговоров в партийному центру, то Стефанович не видел ничего предосудительного в том, чтобы вступить в переговоры без санкции Исполнительного комитета.³⁴ То, что не было «стыдно» для Стефановича, о чем он писал своим товарищам в эмиграцию (как видно из письма, предполагалось, что его прочтет не один Дейч), было для большинства народовольцев невозможным. Их мораль не позволяла брать на себя какие-то обязательства, о чем-то договариваться за спиной товарищей по организации. Народовольцы никогда не смогли примириться с тем, что член Исполнительного комитета их партии вступил в контакт с деятелями департамента полиции.

Однако причины, по которым Стефанович пошел на переговоры с Плеве, этим не исчерпываются. Большое значение имело и то обстоятельство, что к моменту его вступления в «Народную волю» система взаимоотношений внутри Исполнительного комитета претерпела значительную эволюцию по сравнению с той, которая была характерна для народовольцев эпохи расцвета их организации — в 1879 — начале 1881 г.

Формирование этики революционеров-семидесятников проходило тогда, когда злобой дня была нечаевщина. Она вызвала в их среде решительное неприятие «генеральства» — противопоставления рядовых революционеров руководителям.³⁵ Вместе с тем, переход от организационно слабо оформленных кружков середины 70-х гг. к централизованному законспирированному «Земле и Воле» и «Народной воле» требовал определенной системы поддержания дисциплины и единоначалия. Между неприятием «генеральства» и необходимостью создания системы иерархии был найден компромисс. Периферия строго подчинялась Исполнительному комитету, а внутри комитета существовало полное равенство. Распорядительная комиссия, избиравшаяся для решения текущих дел между очередными заседаниями, руководящего значения практически не имела.

Равноправность обеспечивалась, прежде всего, полным отсутствием сколько-нибудь постоянного разделения труда между членами Исполнительного комитета. Закреплялись, и то только временно и почти всегда на очень короткий срок, специальные функции — связь с границей, постановка «техники», добывание средств для организации и т. д. Были, конечно, и исключения — некоторые члены Комитета так хорошо справлялись с возложенным на них кругом обязанностей, что равнозначной замены им не было, и они выполняли его постоянно. Например, Л. Тихомиров был беспрерывно одним из редакторов печатного органа партии, А. Михайлов обеспечивал безопасность организации и т. д. Однако исполнение этих, а не других функций не было вопросом престижа.

Такая система взаимоотношений имела свои огромные преимущества, но она была рассчитана на вполне определенных людей — создателей Исполнительного комитета — опытных революционеров, сверстников, прошедших вместе весь путь своего поколения — от «хождения в народ» до террора. И когда из создателей Комитета к лету 1881 г. осталось всего 8 человек

³⁴ Подробнее см. в кн.: С. С. Волк. «Народная воля». 1879—1882. М.—Л., 1966, с. 142—143. Здесь же встречаем указание на публикуемое письмо М. Стефановича.

³⁵ Анализ этических принципов и организационного своеобразия Большого общества пропаганды см. в кн.: Н. А. Троицкий. Большое общество пропаганды. 1871—1874. (Так называемые «чайковцы»). Саратов, 1963, с. 26—42, 48—80. См. также постановку вопроса в статье Ю. М. Лотмана «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в.». — Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 167, Тарту, 1965, с. 3—6.

(первоначально их было 28), они уже не могли руководить «Народной волей» по-старому, их сил не хватало для выполнения всех тех задач, которые ставила перед собой партия. Усложнились из-за ожесточения полицейского режима и условия деятельности. Возросло значение народовольческой периферии — провинциальных кружков и военной организации. вновь приятные члены Исполнительного комитета не пользовались тем авторитетом, какой имели его создатели, а эти последние находились в постоянных разъездах и в тогдашнем центре партии, в Москве, бывали лишь эпизодически.

Все это привело к тому, что полное равенство, характерное для времени Александра Михайлова, Андрея Желябова и Софьи Перовской, постепенно сменилось лидерством двух наиболее влиятельных членов Исполнительного комитета, постоянно находившихся в Москве, — Л. А. Тихомирова и М. Н. Ошаниной.

В несомненной, хотя и сложной связи с этим явлением находится и изменение тактики партии.

То, что наивысший успех партии — первое марта — не вызвал ни широкого народного движения, ни поддержки либеральной общественности, а, с другой стороны, очевидная растерянность верхов и значительные успехи в пропаганде среди офицеров — толкало «Народную волю» к принятию новой тактики борьбы, тактики захвата власти. Она, в свою очередь, диктовала необходимость перестройки организации по принципу строгого подчинения.

В то же время тактика захвата власти могла быть выдвинута на первый план только в условиях возникшего, из-за обескровленности Исполнительного комитета, «генеральства» Тихомирова и Ошаниной (М. Н. Ошанина отстаивала необходимость захвата власти с момента вступления в «Народную волю»).

Сложившееся положение привело к тому, что многие важные решения руководители «Народной воли» считали теперь возможным принимать без согласования с остальными членами Исполнительного комитета. Так, например, они санкционировали публикацию прокламации Романенко от имени партии, они, уже находясь в эмиграции, в 1883 г. вели переговоры с предателем Дегаевым, которого снова отправили в Россию, не сообщив его истинной роли не только тамошним народовольцам, но даже Г. А. Лопатину, поехавшему на родину для реорганизации партии. Наконец, главное — сама тактика захвата власти была принята Ошаниной и Тихомировым без ведома целого ряда членов Комитета. По крайней мере, В. Н. Фигнер и А. П. Корба, как свидетельствует их спор с Дейчем в 1920-х гг., об этом ничего не знали.

Стефанович был одним из немногих, посвященных в планы Тихомирова и Ошаниной. Он полностью их разделял.³⁶ Для организатора-одиночки, постоянно готового изменить план действий вне зависимости от первоначальной теоретической установки, исходя из чисто прагматических соображений, принципы бланкистской тактики захвата власти были вполне приемлемы. Причастность к этой тайне и исключительное, благодаря заграничным связям положение в Исполнительном комитете, давали Стефановичу право считать себя одним из лидеров партии. Он, как и Тихомиров и Ошанина, осознавал себя в этот момент не просто революционером-бойцом, а видным деятелем большой политической организации, достаточно сильной, чтобы захватить власть в стране. Такая позиция, в принципе, не исключала возможности переговоров с противником о временном перемирии или взаимных уступках.

³⁶ Кроме прямого указания на это в «Карийских тетрадах» Дейча (Архив Дома Г. В. Плеханова. АД. 10. 2, лл. 98—100), есть и косвенное — самого Стефановича. В одном из первых писем 1881 г. из России Дейчу он просил «собрать сведения о книгах, трактующих о постройке баррикад, о ведении партизанской войны» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, № 150, л. 9 об.).

В свете вышензложенного следует рассматривать и точку зрения Тихомирова на этот вопрос, выраженную в одном из позднейших его писем к В. Л. Бурцеву: «Они <сопроцессники Я. В. Стефановича — Л. Л. и А. Р.> полагают, что **всякие** переговоры с правительством и **всякие** компромиссы — это некоторая подлость. Но огромное большинство революционеров в истории имело несколько иное понятие о своем долге и, «в видах пользы дела», вступало в самые разнообразные соглашения. Я лично думаю, что только чистый **проповедник**, пропагандист имеет долг не вступать в компромисс. Всякий же, занимающийся практической политикой, не может их избегать и, если этого не понимает, то лучше ему не соваться в политику».³⁷

И переговоры Тихомирова со «Священной Дружиной» и с Дегаевым, и беседы Стефановича с Плеве имели, таким образом, общие корни. Когда в дискуссии 1920-х гг. бывшие народовольцы упрекали в «аморальности» Стефановича, а Дейч, защищая его, обвинял в том же Тихомирова, — обе стороны, по сути дела, выступали против одного и того же — чуждого этике революционера-семидесятника «политиканства».³⁸

Однако, находясь под следствием, Стефанович совершил несколько поступков, которые невозможно объяснить ничем иным, кроме желания облегчить свою участь. Это и советы с Плеве о содержании речи на суде (упо-

³⁷ Представление о том, что действия партии могут быть соотнесены с какими-либо мероприятиями правительства, возникает в «Народной воле» именно в этот период. Даже П. А. Теллалов, человек, в отличие от Стефановича, безупречной народовольческой репутации, в записке на волю настаивал на том, чтобы до коронации не производилось никаких покушений и освобождений политзаключенных. С надеждами на послекоронационные реформы связана и скромность требований, выдвинутых подсудимыми на «Процессе 17-ти». Н. А. Троицкий справедливо замечает, что последнее было связано с тактическими соображениями (Н. А. Троицкий. «Народная воля» перед царским судом, с. 128). Нам представляется симптоматичным сам факт появления подобных соображений у народовольцев.

³⁸ ЦГАЛИ, т. 75, оп. 1, № 16, л. 11. Подчеркнуто Тихомировым.

³⁸ Уродливые формы приняла концепция «реальной политики» у предателя и провокатора Дегаева. Он, как нам кажется, находил для себя оправдание в том, что цели революционной партии можно осуществить и во временном союзе с жандармским подполковником, хотя бы и ценой выдачи товарищей. Эта его мысль отчетливо проступает в письме его младшего брата В. П. Дегаева Л. А. Тихомирову от 3. II, 1884 г. Здесь В. Дегаев, возмущаясь тем, что Тихомиров в своих статьях называет С. Дегаева предателем, пишет: «Факт выдачи, никто спорить не станет, некрасивый. Таких средств никто оправдывать не может, но тем не менее в данном случае находятся все смягчающие обстоятельства. Человек с таким гениальным умом, с таким характером, с такой энергией, с революционным опытом — мог решиться на такую вещь. Ведь что бы Вы сказали, если бы дело обернулось иначе. А оно могло, как казалось. Никто не может сказать против того, что кажущегося честолюбия у Суд<ейкина> было очень много, и оно было тем пунктом, на кот<орый> хотел действовать Дег<аев>. В конце концов открылось, что Суд<ейкин> был чинушкой, за грош готовый продать отца и мать. Честолюбие его не шло дальше возвращения революцион<ных> книг после обысков и т. п. мелочей. Значит, этот случай был чисто несчастный, это была ошибка. А дело, казалось, могло принять очень хороший оборот. Конечно, подобные вещи оправдывает только результат. И относиться к этому надо, значит, по-другому. Смешивать с обыкновенными предателями такого человека, с такими нравственными качествами, более чем низко. Человек этот делал это не из личных выгод. <...> Никто, опять повторяю, не станет возражать, что жертвы были ужасны. Но Молох революции требует и не таких». (ЦГАОР, ф. 634, оп. 1, № 130, л. 1—2. Частично опубликовано в насыщенном интересными, нередко малоисследованными документами романе Ю. Давыдова «Глухая пора листопада»).

минание о них находим в письме от 21—22 марта 1883 г.), и опознание по фотографии казненного Халтурина, и противопоставление на процессе себя, «почти чернопередельца», террористам.

Иным объясняется признание Стефановича, что под фамилией Прозоровского скрывается Ю. Н. Богданович. Мы не думаем, что это была сознательная выдача. Скорее, здесь сказались талант следователя Судейкина и потеря бдительности, из-за общей уступчивости и мягкости тона, подследственным Стефановичем.

В целом, нам кажется, письмо подтверждает характеристику Стефановича, которую ему дал в своем блестящем психологическом портрете С. Кравчинский: «Вечно деятельный, вечно поглощенный широкими планами, он был неразборчив в средствах и не прочь был побораться с самим сатаной, если бы это только было ему полезным».³⁹

События, изложенные в письме, — переговоры народовольца с директором департамента полиции и жандармским подполковником освещают малоисследованную и таящую, мы уверены, много неизвестного и неожиданного обстановку «смутного времени», последовавшего за 1-м марта 1881 года.

Письмо Стефановича можно также рассматривать как своеобразный литературно-публицистический текст эпистолярного жанра. Оно важно для исследователя-литературоведа и тем, что помогает понять сложную литературно-общественную обстановку 1880-х годов.

Письмо Стефановича от 12. III.—18. III. 1883 г. печатается по подлиннику (Архив Дома Г. В. Плеханова, АД. 4. 263. 17) с листа 1 до листа 20 об. Конец рукописи утерян, и после листа 20 об. письмо печатается по машинописной копии 1930-х гг., хранящейся вместе с подлинником.

Рукопись имеет ряд особенностей: иногда Стефанович писал дважды на одном и том же месте (такие случаи, в основном, разобраны), иногда пропускал слова (явные пропуски вставлены в публикации в угловых скобках). В угловых скобках с вопросительным знаком — слова, в правильности прочтения которых мы не убеждены. Многочисленные опуски Стефановича (пропущенные буквы, неверные согласования и т. д.) исправляются нами без дополнительных оговорок. В написании некоторых фамилий восстановлены принятые сейчас формы, т. е. вместо: Горенович — Горинович, Добжинский — Добржинский, Желеховский — Желиховский и т. д. Все подчёркивания в тексте письма сделаны Стефановичем.

За помощь в работе приносим искреннюю благодарность Я. А. Ярославцеву.

* * *

12-го марта. Признаюсь, не без малого страха пишу тебе это письмо. Боюсь, чтобы оно не попало под каким-нибудь образом, чего мне страх не хочется. Во-первых, совестно перед Плеве¹, а 2-е, уже тогда, наверное, вместо Сибири засадят в Шлиссельбург или Алексеевский равел<ин>, что для меня равносильно смерти. Но я, с другой стороны, не могу оставаться спокойным при мысли, что тебе останутся неизвестными мои послеарестные приключения, как бы они, в сущности, ни были незначительными. С этой именно целью, т. е. чтобы передать тебе это письмо, я и пожелал избрать сам себе защитника². Соглашаясь исполнить мою просьбу насчет письма, он, бедный, чувствует себя в немалом затруднении, как ему меня защищать, так как предлагаемые им системы мною отвергнуты (он, например, советует отказаться от заявления в принадлежности к Н. В. *). Но бог с ним. Это неинтересно.

Хотел бы я подробнейшим образом и по возможности день за днем рассказать тебе, что со мною было после ареста. Но положительно чув-

³⁹ С. Степняк-Кравчинский, Ук. соч., с. 404.

* Н. В. — здесь и далее — «Народная Воля».

ствую, что не в состоянии буду это сделать. Прежде всего потому, что память моя изрядно-таки ослабела, и вообще умственные способности не в прежней силе. Я это отлично осознаю. Это результат катара, развитию которого содействовало годовое сидение в камере без гуляний, и потом потеря крови (от геморооя). Признаюсь тебе откровенно, что едва ли протну долго, если на Каре³ обстановка не будет благоприятнее. Надо тебе сказать, что за последнее время очень часто находит мрачное настроение — тоже от причин чисто физиологических. Твои письма положительно являлись для меня единственным средством поддержки не только нравственной-душевной, но и физической. Но я опять удаляюсь от настоящего предмета. Пишу, видишь ли, не думая, т. е. не обдумывая заранее фраз, как то делаю с официальным письмом. Ну, начинаю.

Я уже описывал тебе, как меня арестовали, как я беспокоился за твой приезд, который, наверно, окончился бы арестом твоим, вероятно, раньше, чем бы ты добрался до Москвы, так как по двум твоим последним письмам, взятым у меня, ясно было, что ты едешь...⁴ Но я тебе не все описал. Дело было так. Когда городской и помощник смотрителя наотрез отказались нести на почту мое письмо, я остановился на следующем средстве. Еще не знали, кто я такой. Имея представление о Судейкине⁵ по рассказам мальчика⁶, я думал: если обращусь к этой личности и выражу ей, что, мол, слышал о его некоторых достоинствах как человека, она, сия особа, несомненно пожелает оправдать в моих глазах такое о себе мнение, причем, конечно, будет иметь и свои задние мысли и намерения. Я составил такой план: пошлите от меня телеграмму моей жене за границу — мне необходимо известить ее о своем аресте не из деловых, а из семейных соображений, она ответит телеграммой же, и подпишется моей фамилией⁷. Таким образом <ом> будете иметь удовольствие сделать доброе дело и полицейскую честь — первый узнать мою фамилию. Я не сомневался, что это удастся, ну а за себя, конечно, мог ручаться, что в засаду не попаду. Кроме того, была у меня маленькая надежда, если повезет меня в Питер, как Огрызко⁸, то, чего доброго, с такой незначительной охраной, что, авось, избавлюсь совсем из плена. Пишу в Жанд<армское> Упр<авление> заявление, что желаю быть препровожденным в Питер, о мотивах какого-то желания заявляю там. Дня через два подходит к дырочке городской и происходит у нас разговор, о котором ты уже знаешь. Я воспользовался случаем в том расчете, что один путь хорошо, а два еще лучше. Но каково было мое разочарование, когда на другой день является Скандраков⁹ и говорит мне, что знает, кто я. Он думал (что и высказал), что я прошусь в Питер, имея в виду побег, поэтому заявил, что принял все средства против этого. Хотя я подтвердил ему, что я точно такой-то, но и не старался его уверить в противном, сказав только: думайте, как хотите. Мои оба плана оказывались расстроеными. В тот день, по словам Скандракова, меня должны были вести в Питер, а ночью только городской приходил на смену. Я уверен был почти, что, не застав меня и не получив вознаграждения (очки), он примет меня за обманщика и объявится по начальству¹⁰. Отказаться от поездки значило явно подтвердить мнение Скандракова (т. е. насчет побега): убедился, дескать, что его узнали, а потому нашел намерение неисполнимым... Делать нечего, еду, надеясь дорогой придумать, как извернуться. Слезкин¹¹ устроил мое отправление очень торжественно: в особом вагоне с 4-мя жандармами и пятым офицером (Трегубовым). Нечего и говорить, что глаз с меня не спускали. Офицер ужасно трусил. Дорогой я решил обратиться к тому же Судейкину, прибавить на его гуманность тот излишек, который заменил бы реальную для него выгоду от узнания моей фамилии.

На вокзале тоже торжественная встреча. Везут меня в Департ<амент> (здание III отд<еления>) и помещают здесь в арестантском отделении. Вечером приводят меня в какой-то кабинет, где застаю средних лет мужчину, статского. Приглашает сесть (в кабинете никого больше). — Что побудило вас требовать отправки в Петербург? — спрашивает. — С кем имею удовольствие говорить?

— Директор Д<епартамента> Г<осударственной> П<олиции>.

— Не могу ли я видеть Судейкина?

— Уж не думаете ли его убить?

— Нисколько, желал бы только с ним побеседовать.

— Извольте, хоть сейчас.

— Нет, уж лучше завтра: я устал с дороги.

Некоторое молчание. — Поздравляю вас с вступлением в народо-
вольцы. —

— Покорно вас благодарю. (Я еще в Москве как Огрызко заявил, что
принадлежу к партии Н. В.) —

— Одно из двух: или вы изменили свои убеждения, или Н. Е. — свои.
Не могу ли узнать, которая из этих двух причин... и т. д.

— Отчасти и та, и другая. Жизнь выдвинула Н. В. после столь отчаянной
и продолжительной борьбы единственной силой, к которой тяготел все
недовольное у нас в России. Это обстоятельство неминуемо потребовало
с ее стороны расширения прежней ее программы. С другой стороны, лично
я пришел к убеждению в невозможности существовать какому бы то ни
было оппозиционному направлению при существующих условиях, а, следо-
ват<ельно>, и народничеству.

— Не можете ли вы сказать, насколько террористически настроена в настоя-
щее время партия?

— Определенно не могу ответить, ибо положение в этом отношении еще
не выяснилось. Существует два течения: одно, совершенно извернувшееся в
намерении правительства следовать иной внутренней политике и потому не
видящее нужды сообразовываться с какими бы то ни было моментами, а
идти все тем же путем; другое — или же все не потерявшее надежды на
возможность со стороны правительства другой системы, или, по крайней
мере, считающее необходимым воздержаться от террористических предпри-
ятий до коронации, чтобы убедить общество, что не она, партия, главная
причина в желании правительства держаться реакционной системы.

— Вы принадлежите к которому из этих мнений?

— К последнему.

— Какое течение берет перевес?

— Я затрудняюсь сказать, так как оставил партию, когда окончательный
перевес того или иного мнения не успел выясниться.

— В таком случае, нам нужно пожалеть, что вы арестованы?

— Предоставляю об этом судить уж вам.

— Но все-таки вы, конечно, настолько знаете положение дел, что можете
предугадать, которое направление получит преобладание.

— Положительно не могу этого предрешить, потому что в этом так много
будет значить и ваше поведение.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что чем больше арестов, тем это дает больше орудия
в руки элементов первой категории и действует на настроение в благопри-
ятном для террора смысле.

Такой разговор велся у нас около часа. Плеве не обнаружил никаких
полицейских сыщичьих приемов и попопзновений и произвел на меня на-
стоящее хорошее впечатление, что после его вопроса, сделанного уже при
расставании, «как это вы разлучились с Дейчем?», я прямо обратился к
нему:

— Из писем вы, вероятно, знаете, что он намерен ехать сюда. Я надеюсь,
что вы не захотите воспользоваться случаем, чтобы арестовать его. Не
позволите ли написать ему мне, чтобы он не приезжал?

— Извольте, напишите.

Я тотчас же, вернувшись в камеру, написал тебе 1-е тюремное письмо.
Адрес для ответа (Вокзал, до востр<ебования>) предложил я, опасаясь,
чтобы посылка прямо на Департамент не вызвала неприятных для тебя
толков¹². Отдав письмо через офицера, я было пожалел, зачем не ска-
зал, что теперь не нуждаюсь в свидании с Судейкиным, но потом сообразил,

что, во-первых, безынтересно повидать этого человека, а 2-е, послать тебе через него телеграмму, что все-таки скорее письма. Из последнего твоего письма убеждаюсь, что поступил оч<ень> хорошо, ибо, как ты пишешь, именно телеграмма тебя и задержала.

С Судейкиным у нас завязался такой же разговор, что и с Плева, с той разницей, что говорил почти он один. Это молодой человек, лет 30, здоровый, красивый и весьма неглупый и, действительно, как сыщик талант замечательный. Его profession de foi такое: он чистокровный демократ, он был бы, наверное, революционером, если б не был жандармом. Он народник. Его иначе не называют в министерстве, как чернопеределец. Но он народник не революционер, п<отому> что верит в одно царское народничество. Он ненавидит конституционалистов, он уважает, но считает вредными террористов, и то, впрочем, пока их террор направлен против царя; убийство мелких лиц он одобряет, ибо ничего с ними, подлецами, не поделаешь. Он против белого террора; он находит существование револ<юционной> партии даже полезным и потому хватает лишь вредных, и то особенно, террористов. Но он все-таки желает знать все, что делается в партии, не из одних полицейских целей, а потому, что передовое движение его интересует, и потому, что он сам рожден быть членом тайного общества, чувствует инстинктивную потребность всюду проникать, все выведывать. Если б он не был жандармом, то был бы Эдиссоном. У него энергия изобретательная. Он жалеет, что жизнь толкнула его на сыщичье поприще. Но что делать, поздно возвращаться назад. Зато никто, даже Игнатъев¹³, не в состоянии сделать столько полезного, сколько он.

— «Помилуйте, какую массу людей я спасаю, людей, которые при другом началь<нике> сыск<ного> отдел<ения> были бы давно арестованы». И т. д. — «Я не только не вредный человек для партии, я ей полезен. Я не хочу нарушать всего здания, я выбираю только одиночек, наиболее опасных для царя личностей. Вот вам доказательство.» Здесь он выложил с десяток фамилий, из коих теперь припоминаю Якимова, Липского, Чихачева¹⁴. — «Я знаю многих, принадлежащих к партии, но много ли было арестов за мое пребывание в Питере? Всего несколько — Ольга Люб<атович>¹⁵, Тел<лалов>¹⁶, Борейша¹⁷, Мартынов¹⁸, но это все отчаянные террористы». Из них, — я говорю, — знаю Люб<атович> и Тел<лалова> — какие же они отчаянные, Христос с вами! — «Да я бы Люб<атович> не арестовал, не уедай она из моих пределов, а то, знаете, сделало самолюбие, взяла, да и с глаз прочь — я бы не простил себе, если бы позволил себя провести. Ну, а за Тел<лалова> говорит прошлое.»

О своем сыщичьем отделении Судейк<ин> иначе не выражается, как «моя организация» и «ваша организация» (револ<юционная>). С Судейк<иным> виделся после этого на третий день, принес он мне ответную твою телеграмму. Опять все рассказывал о своей деятельности очень интересные подробности. Пока оставляю его в покое.

С Плева виделся первые дни чуть не ежедневно. Раз он мне говорит, что если бы правительство обнаружило примирительное настроение маленькой предварительной амнистией (до коронации), послужило ли бы это на партию (так! — Л. Л., А. Р.) в успокоительном смысле? Я говорю, что несомненно <было бы> добрым предзнаменованием ввиду ожиданий, связанных с коронацией. Тут он мне, впрочем, довольно общо рассказал, что в высших сферах, около царя, точно так же, как в вашем кругу, борются два течения. Одно, с Игнатъевым во главе, желает созвать нечто вроде Земского Собора, другое — с Владим<иром> Александ<дровичем>¹⁹ — против этой меры. Что, ввиду этого, чрезвычайно важно, чтобы партия не проявляла <себя> резкими поступками. Я повторяю свое мнение и приговариваю, что с целью такого же воздействия необходимо, чтобы не было казней по предстоящему процессу и что некоторым лицам следовало бы подать в отставку или вообще устраниваться от дел.

— Кому же?

— Напр<имер>, Добржинскому²⁰, Стрельникову²¹.

На другой, кажется, день Плева заходит ко мне в камеру и заявляет, что он внес предложение об амнистии всем нелегальным, в том числе и эмигрантам, не замешанным в убийствах и царевубийствах, что Игнатьев дает ход этому делу²². Так как ему, Плеве, нужно написать об этом доклад, то не могу ли я описать положение эмиграции и степень ее значения в револ<юционном> движении. Я соглашаюсь. Дня в 3—4 пишу маленькую записку на 4 листах, где изображаю бедственное положение эмиграции, ее происхождение и постепенное ослабление ее значения в ходе револ<юционного> движения, которое (ослабление) с 79 г. превращается почти в ничто.

Призвав меня дня через два, Плева показывает несколько писем, при-сланных из Вильно и взятых у кого-то при обыске. Между прочим, дает мне прочесть твое письмо к народовольцам, в котором ты выражаешь растерянность по поводу моего ареста и просишь робко, чтобы не забывали, писали. Я сообразил сейчас, что эти письма привезены оказией (тут было и Дурново²³ письмо к кому-то). Затем читаю я письма Голдовского и Гартмана²⁴ к М. Н.*²⁵ и вообще к Исп<олнительному> Ком<итету>. В них Комитет предостерегается от моих козней, так как я, дескать, поступил в Н В., нисколько не разделяя ее программы, а единственно, чтобы провести свою и верховодить Комитетом по-своему.

Авторы жалуются, что это уже проявилось явным образом на заграниче, где они, верные его слуги, оттерты совершенно, а аренной деятельности завладели пердельцы — Дейч, Засул<ич>, Плеханов и другие. Жалуются также, будто ты не хочешь отсылать их писем в Россию, что вот, мол, жена Голд<овского>²⁶, благодаря мне и тебе, не была допущена к свиданию с комитетцами и пр. В конце еще раз соболезнуют, зачем сделали такую ошибку с моим приемом. Я заметил по поводу этого письма, что авторы его преувеличивают мои козни, которые не заходят дальше высказанных ему, Плеве, моих убеждений. Во всяком случае, письмо произвело на Плеве благоприятное, в мою пользу, впечатление. Оно подтвердило ему, что я высказывался искренно насчет своих взглядов на своевременность террора и пр. Он стал откровеннее. Так, заявив мне, что амнистия приурочивается к пасхе, он выразил сожаление, что меня арестовали, иначе бы и я подошел к амнистии, а то мне придется ждать коронации. Между прочим, включался в амнистию Иван (Бох<ановский>)²⁷ и вообще все почти эмигранты, (но Кропоткина не было). Тебя не было тоже, на основании Горинович<евского> дела. Все с уголовными преступлениями оставлялись царю к коронации.

Кстати о моем Горинович<евском> деле²⁸. Еще раньше Плева говорит: «Жаль, что за вами уголовщина, а то ваше положение было бы не из опасных.» Я говорю, что не принимал участия в деле.

— Но для суда недостаточно вашего заявления. Нужны доказательства.

Я ссылаюсь на записку Костю<рина>²⁹, о которой он не помнил.

— Все-таки показание каторжника не будет иметь значения.

— Что же делать, — говорю я, — придется ограничиться одним заявлением, пот<ому> что хотя я мог бы доказать свое alibi, но с этим связано лицо, которое я не желаю впугивать в дело, тем более, что это значило бы дурно вознаграждать за оказанное им гостеприимство.

— Какую роль играет теперь это лицо?

— Никакой. Это был просто знакомый Костюрина; он давно потерял мною из виду, так как <никакого?> отношения к револ<юционным> делам не имеет.

Тогда он предлагает мне следующее. Если я назову ему лицо и место тогдашнего его жительства, если по его, Плеве, справкам, окажется, что то лицо действительно жило там, то ему, Плеве, достаточно будет этого, чтобы сделать <уведомление> производящим следств<ие>, что на основании сведений полиции я никакого участия в деле Горин<овича> не

* М. Н. — здесь и ниже Мария Николаевна Ошанина. (1853—1898).

принимал, и меня не станут даже обвинять в нем. Я сначала не соглашался, так как все-таки то лицо навлечет на себя неприятности, тем более, говорю, что оно из военных. Плева уверяет, что раз я говорю правду, что тот господин только укрывал нас и с тех пор никаких касательств к революционерам не имел, то ему ничего не будет, ибо мало ли личностей спокойно гуляют на воле, занимавшихся укрывательством даже в последние террористические годы. Так как он мне дал обещание, что с этой личностью ничего не сделают, а назвал его по имени и отчеству (Бронислав Петрович), ибо фамилию забыл, указываю квартиру, где он жил и я с ним, — через несколько дней Плева объясняет, что навел справки, что Бронислав Петрович есть Трушковский, действительно там жил и с ним еще два человека (я говорю, что это был Бух)³⁰. Что теперь это лицо штабс-капитаном служит в Туле и на самом хорошем счету у начальства. Таким образом я освободился от дела, так сказать, негласным путем. Что касается твоего участия, то я «вошел?» в такую откровенность. Естественно, что у людей явилось желание спасти товарищей от арестов, так как было несомненно, что хотя Горинич не официальный шпион, а только частный, Гейкинга³¹, но своим приездом в Елизаветград он, Горинич, имел в виду выдачу бунтарей, о которых ходили крайне преувеличенные слухи насчет их революционных предприятий, что не могло не заинтересовать Гейкинга. Рассказал, словом, то, что описано мною в «Громеде», тобою в «Общине»³². А так как ты не имел ни малейшего намерения лить кислоту на живого человека, то, узнав из газет, что в действительности облит был живой человек, будучи еще очень молодым и впечатлительным человеком, отнесся к этой несчастной случайности с крайним прискорбием. Впечатление сильно отразилось на твоём нравственном состоянии. Я стал замечать это и старался даже отнять у тебя револьвер. Однажды мне показало — мы ехали в поле за городом — что ты берешься за револьвер, у меня мелькнуло нехорошее намерение. Я схватился за оружие, чтобы вырвать его из твоих рук, но неловко, револьвер выстрелил мне в руку. — Зачем вы оба бравировали в своих показаниях в Киеве? — Не перед Котляревским³³ же нам было пускаться в откровенности и вдаваться в анализ своих чувств.

Я же взял тогда на себя дело потому, что хотел разделять с тобой одно и то же положение, каковое условие в настоящее время не существует. Будь ты тоже арестован, я, конечно, продолжал бы утверждать то же, что и в Киеве.

В тот же раз, т. е. когда Плева показал мне письма, привезенные okazji, он рассказал наиболее подробно о двух течениях в правительственной среде. Игнатъева проект созыва депутатов с целью выработки более целесообразных узаконений и изменения государственных форм находил поддержку у царя, но Владимир, Ванновский³⁴ и Дашков³⁵, кажется, действуют против этого предложения. По его, Плева, мнению, все устроится к лучшему, т. е. по проекту Игнатъева, если только не произойдет ничего террористического, особенно против царя, что несомненно даст перевес партии Владимира.

Тут же он мне, между прочим, вручил для прочтения проекты Земельного Банка и урегулирования детского труда в доказательство известного влияния в правительственной среде. (Эти проекты несколько были изменены, вошедши в закон после дебатов в Государственном Совете; изменения произошли в пользу привилегированных сословий.)³⁶

После этого (но не того же дня) является ко мне Судейкин. Мне трудно теперь передать подробно это длинное, многочасовое свидание. Я расскажу его не в совсем хронологическом порядке. Дело в том, что коронация готовилась в августе, после родов царицы. Судейкин гарантировал, что никакая опасность царя не ожидает. Требовал лишь, чтобы отдали в его распоряжение Москву. Чувствуя всю ответственность взятого на себя обязательства — гарантировать царя от всякой опасности — он задумал волею в это дело меня. Основываясь на моем мнении, что всякие террори-

стич<еские> мероприятия до коронации не должны происходить, он предложил мне такую вещь: выпустить меня на волю, чтобы я влиял в этом направлении на Комитет. При этом прибавил, что так как выпуск меня при теперешних порядках (когда уже нет III отд<еления>) ³⁷ может состояться не иначе, как с согласия на это царя, что хотя он, Суд<ейкин>, заранее уверен в этом согласии, но находит этот способ неудобным, потому что дело станет слишком громким, о нем будут говорить в высшем слое, возлагать, м<ожет> б<ыть>, больше надежд, чем следует, ждать и т. д. Ввиду всего этого он предлагает выпустить меня от себя, беря дело на свой страх, устроить, одним словом, побег.

Я отвечаю, что охотно взялся бы содействовать задержке террористич<еских> фактов до коронации, если бы находил способ, предлагаемый им, возможным. Но наши положения настолько различны, что должного при этом доверия ни в коем случае существовать не может. Что хотя он, как Судейкин, мож<ет> быть, искренно дает мне слово не злоупотреблять моей свободой в видах чисто сыщических, но, как полициант, конечно, данного слова не исполнит. На это он возразил, что, мол, и нет ему особенной надобности пользоваться мною для этой цели, пот<ому> что он и так знает гораздо больше, чем я думаю. Он выложил мне множество квартир в Москве, из коих я сам знал несколько (Поддубенского, Прозоровского, Ухова, Фомина ³⁸, и, кажется, еще, теперь не помню). Фамилий этих лиц он не знал, знал только, что все нелегальные. При этом заявил «откровенно», что ищет, глав<ным> образ<ом>, 4 лиц: Кобозева, Грачевского, (я тогда не знал, что Вас<илий> Пет<рович> — есть Грачевский), Баранникову и Фигнер ³⁹, что остальных он не станет трогать. «В Петербурге у меня никого нет из важных, был Златопольский, но и тот теперь в Москве» ⁴⁰. Затем рассказал в подтверждение своего доверия ко мне, что его агенты тоже образуют кружки из молодежи, якобы, революц<ионные>, что в числе его шпионов состоит Виноградов из большого процесса ⁴¹, Пиотровский, освобожденный им из Киева (он вовсе не за границей, как думали) ⁴². Несмотря на его уверения, что у него и в мыслях не было сделать меня его шпионом, что он знает, с кем имеет дело, что просто вступает в договор с членом враждебного лагеря насчет временного перемирия, без коего не мог бы устроиться настоящий мир (сиречь реформы после коронации, созыв Собора и пр.), я продолжаю варьировать на разные лады приведенный выше ответ. Он ужасно долго сидел, что-то с 5 ч. до 12 ночи, убеждал всячески и, вообрази, плакал. Я и теперь думаю, что плакал он тогда искренно, слишком увлекся перспективой спасения рус<ского> общества от торжества реакционной клики. Он честолюбив и сам по себе ничуть не реакционер, а просто авантюрист, желающий слыть прогрессистом и действующим на благо народа, а не царя. Он тысячу раз заверял, что это благо связывается с царем и никак не с либералами, и лишь потому готов положить голову за царя, тем паче, что ныне царствующий очень добр, искренно желает благополучия народу и прочее такое. Как бы то ни было, но мы расстались, не пришедши к соглашению. При прощании он просил, чтобы разговор остался между нами, чтобы я не говорил по этому поводу с Плеве, и все-таки обещал забегать, авось я надумаю.

Вчера у меня ужасно болели зубы. Не знаю, насколько связно рассказывал я. Сегодня ничего, поэтому надеюсь быть вразумительнее. Итак, после ухода Суд<ейкина> я начал думать. Всю ночь не спал. В общем, мои соображения были такие. Не было, разумеется, сомнения, что честности Суд<ейкина> доверять не следует. Поэтому я поставил вопрос независимо от Суд<ейкина>. В силу и рост партии при теперешних условиях у нас в России я не верил. С этой вечно сизифовой работой вечно и будешь топтаться на одном месте. Почти все нелегальные в Москве были в руках Суд<ейкина>; на днях перед этим Плеве сказал, что Саранчов выдал всех киевлян ⁴³. Конечно, всегда так и было, но дело не в системе, а в ее размерах. Пока полицейская политика будет применяться в настоящих размерах, нам и status quo не поддержать. Пока общество молчит — мы

только таинственное пугало, но не сила. Такая мера, как амнистия, хотя бы неполная, и созыв земских депутатов, расшевелила бы общество, и движение не остановилось бы в рамках, которые правительство, само собою, постаралось бы сузить. Предвидя легко возможную реакцию, партия воспользовалась бы временем, чтобы подготовиться к ней, организовать прочнее, расширить свой контингент амнистированными и свежими элементами, которые непременно всплыли бы наружу в такой момент. Следовательно, думал я, нужно желать, чтобы план Игнатьева восторжествовал, следовательно, далее надо воздерживаться от террористических предприятий и убедить в том людей. Я знал, что готовится убийство Стрельникова, знал, что возможны и другие подобные дела, и даже посерьезнее. Как ни ненавидел я Стрельника, но, ввиду имеющих быть событий, охотно оставил бы его в покое. Я был уверен, что Л.*⁴⁴ да и другие согласились бы с моим мнением. Если бы даже проект созыва Собора не осуществился, все же мы не были бы в проигрыше. Правительственные ссылки на партию, как на предлог для излюбленной системы, не имели бы в глазах общества никакого значения (а ведь многие этому верят). Наконец, чтобы не соблазнять аппетита Судейкина, на известное время до коронации можно бы спровадить за границу всех, на кого полиция точит зубы (т. е. почти весь Комитет). Не сумею теперь, спустя год, изобразить тебе ход моих размышлений, в которых, признаюсь, играло (но, право, не первостепенное) значение и перспектива явиться к тебе неожиданно-негаданно. В принципе я решил, что принять предложение Судейкина следует. Я не забыл истории с Гольденбергом, которого почти так же образом Добржинский убедил выдать всех товарищей⁴⁵. Меня, конечно, считали умнее Гольденберга, и когда тот же Добржинский издали подходил ко мне с такими же целями, я просил его больше ко мне не являться. Не будь Плеве, я не поверил бы ни в какие начинания, но все его поведение, при всей моей предубежденности, не внушало ни малейшего подозрения в ломании комедии. Понимал я также, что Судейкин рассчитывал во всяком случае остаться в барышах, если я приму побег. Он надеялся, без сомнения, следя за мною, опутать организацию сетями со всех сторон; буде же этого не удастся, революционерское затишье до коронации оправдает его обещание царю.

Но как обеспечить себя, чтобы не стать невольным орудием его чисто полицейских целей? Я остановился на немедленном отъезде за границу, что и поставил ему первым условием. Я составил план для передачи Судейкину, как я буду действовать в интересах цели побега оттуда. Вторым условием поставлю ему воздерживаться от арестов, что необходимо для успешности моих воздействий. Исходя из этих положений, решаю вести с ним разговор. Мне ужасно хотелось посоветоваться с тобою, но мне казалось, что письмом приведу только тебя в смущение, тем более, что через Судейкина не мог я высказать тебе всех своих мыслей и чувств. Думал я рассказать Плеве о предложении Судейкина, но не хотел поступать против желания Судейкина, просившего меня с Плеве об этом не говорить. (Я заметил, что они оба друг друга недолюбливают). Может быть, он имел на то свои основания, и я мог расстроить этим его виды.

Итак, когда Судейкин явился, я выкладываю ему свои условия. Я говорю: «Согласитесь, что наши положения настолько неравны, что строить дело на взаимном доверии нелегко. Сведем его, главным образом, на гарантии.» Он притворился обиженным: «Если бы вы могли понять, как мне тяжело это слышать. Положим, я сыщик, но, право, я честный человек.» — «Ну, ладно, — думаю, — разговаривай!»

Стали мы разбирать дело с точки зрения гарантий. Он не находил их для себя в моем отъезде за границу.

— Чем я отвечаю, если не исполню своей миссии? Если моя миссия ока-

* Л. — здесь и ниже Л. А. Тихомиров.

жется неудачной, я обещаю вернуться и сделать так, чтобы честь моей поимки принадлежала ему. Буде же не вернусь, он может дискредитировать меня в глазах партии и всей публики. Наконец, еще лучшее средство — арестовать моего брата и даже двух⁴⁶, — я не стану покупать свою свободу ценою их ареста.

Он прослезился (да, полдец, пролезился!). И патетически воскликнул: «Я не способен решиться на эту меру.» Но когда увидел, что мое условие неизменно, дал понять, что *raison d'état* заставляет прибегать ко всему самым мягких людей, и принял мое условие. На другое — прекратить аресты до коронации, причем я обещал спроводить всех революционеров и, в том числе, ему известных нелегалов из Москвы, дабы они не смущали его во время коронации, — на это другое условие он отвечал согласием в пределах своего района (Москва и Питер), но исключая двух лиц — Кобозева и Грачевского. (Я узнал от Добержинского, что Птица или Грач, т. е. Васил<ий> Петр<ович> есть Грачевский). За Грачев<ского> он принимал Калюжного⁴⁷, о Богдановиче он знал, что тот в Москве, и принимал за него сначала Поддубенского, потом убедился, что Прозоровский — Богданович. Насчет его заметил, что хотя выбрал для себя оч<ень> удобную квартиру, но ведет себя не особенно осторожно. По его словам, ему нужно было арестовать этих двух для того, чтобы утвердить к себе доверие Дашкова (министра двора), приближенного царя. Я отвечаю, что он может заявить ему, что все эти лица в его руках, что он всякую минуту может арестовать их, и если не делает, то потому, что имеет в виду через них добраться до других.

— Это не то: заявление можно сочинить, совсем другое — живое доказательство, — возразил он.

Когда он сказал, что Прозоровского имеет в руках, что он — Кобозев я не мог не смутиться и покраснеть (что со мною обыкновенно случается прежде, чем побледнеть). Он, конечно, это заметил: «Не правда ли, это он?» — Я говорю: «Да». У меня мелькнула мысль вызвать доверие этим утверждением и спасти сожительницу Прозоровского. На вопрос, кто она, террористка или нет, я начал совершенно спокойно объяснять, что эта женщина — совсем ничтожное существо, больная, вечно лежит в кровати и служит просто мебелью в квартире, как хозяйка⁴⁸.

— Ну, разумеется, мне она не нужна.

Уверял я также, что тот, кого он принимает за Грачев<ского> — не Грач<евский>, а один чернопеределец, вошедший в Н. В., которого в его же видах не следует арестовывать. Когда мы перешли уже к плану побега (которых он предлагал несколько, но об этом не стоит расписывать — время мне теперь дорого), я невзначай вернулся к Прозоровскому и говорю, что он, хотя и Кобозев, но всегда поддерживал меня в проведении моих мнений насчет несвоевременности террора, что, арестуя его, он, Суд<ейкин>, лишает меня значительной помощи, к тому же Прозоровский — близкий мне довольно человек и мне жаль его. Он, показалось, будто расчувствовался и дал слово его не трогать: «Я хочу первый сделать шаг к установлению доверчивых отношений между нами, Яков Васильевич.» (Он так изволил меня величать).

Насчет плана достаточно сказать следующее. Я остановился на некоторых местах. Я заявил, что ни одной квартиры в Питере (где надо было перебыть до отъезда за границу) не знаю. Какими-то квартирами судейкинской организации, конечно, не пожелал воспользоваться и решил выписать в Петербург Липку⁴⁹. (Какая досада, остановился было и начал писать по писаному). Я избрал ее, ибо знал, что она стоит в стороне от н<а-родо>вольцев, настолько меня знает, что недоверию места не может быть, наконец, имел ее безобидный адрес. Чтобы объяснить Суд<ейкину>, почему на ней останавливаюсь, я намекнул, что ее ребенок — мой сын. Таким образом<ом> и завязалась у меня с Липкой переписка. Обменялись, кажется, 3-мя письмами. Она не подозревала, что посредником служит Суд<ейкин>. В первом же письме шифром я просил ее совершенно изолиро-

ваться от людей и скорее приехать сюда. Ею абсолютно не интересовались, даже не считали под надзором. Только недавно Плеве передавал, что Макова⁵⁰ назвала ее участницей в Кр<асном> Кресте, почему ее и привлекли к дознанию, но не арестуют. (Так Плеве говорил). Если она сохранила мою переписку, пусть доставит тебе, а то для полноты моего расказа пусть хоть содержание их подробно передаст. Плеве продолжал держать меня в Департ<аменте>⁵¹. Суд<ейкин> настаивал, чтобы я добивался перевода в крепость, а сам хотел как-то устроить, чтобы вместо крепости я попал в Д<ом> Пр<едварительного> Зак<лючения>. Отсюда нельзя было бы браться за освобождение, ибо это значило бы распоряжаться в сфере власти Плеве. Я как-то сказал Плеве, что мне уже надоело тут сидеть, он ответил что-то уклончиво, из чего я заключил, что он, вероятно, думает воспользоваться мною при списках амнистируемых эмигрантов (некоторые его выражения дали основание так думать). Я же думал, что спешить нечего, пока Липки здесь нет. Но после Стрельниковского убийства Суд<ейкин>, пользуясь тревожным состоянием Плеве и, вероятно, лучше меня зная его намерения продержат меня здесь, рассказал ему наше дело. Я не знаю, как он ему рассказывал, не приходилось об этом расспросить. Факт тот, что, несмотря на благоприятные настроения Плеве, после убийства Стрельн<икова>, он на предложение Суд<ейкина> отвечал несогласием. Дело в том, что Плеве всячески старается сохранить непорочность на своем полиц<ейском> посту, он боится припугивать себя к экстраординарным историям, к тому же с Суд<ейкиным>. К тому же, как мне кажется, он поступил так, имея в виду и мои интересы, ему несомненно представлялось что Суд<ейкин> без надувательства не обойдется. Призвав меня как-то, Плеве заявляет, что Суд<ейкин> сказал ему о моем с ним соглашении, но он, Плеве, к этому относится неодобрительно. Он, собственно, выразился так: «Но я нахожу, что к этому делу прибегать не следует». Вообще говорил как-то неохотно, очевидно, не желая высказывать всех своих соображений. Я вынес такое впечатление, что, дескать, не нужно вам связываться с Суд<ейкиным>. Я не считал удобным спрашивать, почему и проч<ее>, и только заметил: «Я в этом деле менее заинтересован, чем Суд<ейкин>». Поэтому мне совсем не трудно от него отказаться.» Больше и разговору об этом не было. В этот же раз Плеве к чему-то упомянул Богдановича в таких выражениях, что я понял, что его арестовали вовсе не так давно.

— Разве Богданович арестован? — спрашиваю.

— Конечно, разве вам Суд<ейкин> не говорил?

— Его арест для меня не совсем понятен, — продолжает Плеве, — сожительница Богд<ановича> ушла на глазах полиции. Мне кажется, что она его выдала. Иначе не знаю, как могла полиция не взять ее.

Я был раздосадован за свое некоторое доверие к обещаниям Суд<ейкина> и в то же время обрадован спасением М. Н. Очевидно, все-таки Суд<ейкин> поверил моей характеристике сожительницы Богд<ановича> и не пожелал ее трогать. Очевидно также, что он хотел передо мною оправдаться в аресте Богд<ановича> какой-нибудь выдумкой и смягчить впечатление несдержанного им слова относительно Богд<ановича> тем, что сдержал его насчет сожительницы⁵². Во всяком случае, я при первом свидании решил разделиться с ним окончательно. Но я его больше не видел. По всей вероятности, он не находит предлога требовать у Плеве моего перевода отсюда, а тот, как я теперь думаю, не мог не сказать, что намерен держать меня тут. Так он больше ко мне и не являлся. Потом, узнав, что М. Н. за границей, я не мог удержаться, чтоб не сказать Плеве, что она-то и была сожительницей Богд<ановича>. Этим мне хотелось довести до сведения Суд<ейкина>, что и я не остался у него в долгу. Маленькое замечание: Директор не обязан знать, какими путями и средствами Секрет<ное> Отдел<ение> добывает сведения и вообще исполняет свою охранительную миссию.

Возвращаюсь опять к Плеве. В день убийства Стрельн<икова> в 12 ч.

ночи он призывает меня и сообщает об этом событии. Он был в большом волнении, так как это событие давало основание думать, что за этим последуют и другие, и что то террористическое течение, о котором я говорил, взяло верх. В это свидание он был особенно откровенен. Откровенен, впрочем, не в отношении фактическим, а в своих отзывах о разных правительствах лицах. Сущность разговора была та же, что и раньше. В правительстве одна фракция с Игнатьевым желает успокоения общества путем реформ и призывает сословных представителей. Царь склоняется всецело к этой фракции. Но он вообще крайне несамостоятельный человек. Тема рассуждений, какие предполагается представить Земскому Собору — федеративный строй России на манер Австрии. Владимирская кампания — чисто абсолютистская — за старые порядки и белый террор. На мой вопрос, что будет теперь с амнистией, он заявил, что ее решено объявить в день разрешения от бремени царицы, что он не думает, чтобы Стрельниковское дело провалило ее, хотя несомненно противники ухватятся за этот предлог. Сам Плеве не высказывал никакого соболезнования Стрельникову. Так что и я не нашел неудобным выразить свою радость по поводу его смерти. Но вот что показалось ему странным и мне несколько неприятным за Комитет. Убийство совершилось на другой день после помилования осужденных на смерть по процессу 20⁵³. Плеве говорил, что очевидно они несколько не сообразовались с судьбой осужденных, ибо едва ли в Одессе в этот день было известно о помиловании. А между тем, случись событие днем раньше, наверное было бы казнено по крайней мере 3, если не 5. Перед конфирмацией я еще осведомлялся, много ли будет казней. Примирительная партия (к числу коей принадлежал и Плеве, его мнение относительно того, следует или не следует казнить, значит очень много) требовала ни одного, сам царь, хотел всех помиловать, но белые террористы стояли на всех, кроме женщин, и по крайней мере на 5. Потом спустили на 3, и, наконец, Владимир и Ванновский утерлись на Суханове, как на военном, и то царь заменил виселицу растрелом. По этому поводу шла настоящая борьба, продолжавшаяся около месяца. Разумеется, на властей произвело крайне неблагоприятное впечатление, что на воле ставят ни во что жизнь попавшихся. Они видят не осмысленность в терроре, а манию, своего рода болезнь. Признаюсь, и мне это было неприятно. Я объяснял это тем, что, мол, партия абсолютно изверилась в примирительное настроение правительства и была глубоко убеждена, что оно, правительств, казня или милуя, несколько не сообразуется с тем, какое это впечатление производит на партию.

На вопрос Плеве, какими бы мерами я искоренял крамолу, если бы стоял?, положим, на официальном высоком посту, я конечно, опять возвращаюсь к амнистии, которую называю лишь предлюдей к дальнейшим мерам. Радикальное же средство вижу в открытии свободного доступа молодежи к народу. Революции от этого быть не может. Только не знающие страны департаментские чиновники и министры воображают народ быстро воспламеняющимся материалом. Напротив, реальная крестьянская действительность отрезвляет от слишком высоких парений. Я бы погнал всю молодежь в народ, понизил бы земский ценз, открыл бы ей свободный доступ в должности, близкие соприкасающиеся с народом, и ничуть не смущался неминуемыми на первых порах увлечениями; народа этими увлечениями не взволнуешь, а отдельные попытки государства не поколеблют. Через год — два эти увлечения улягутся сами собой. Между тем как закрепощение молодежи по городам вырабатывает из нее заговорщиков, которые при абсолютном самодержавии и полном безучастии общества в государственной жизни гораздо опаснее сотен тысяч молодых людей, растворенных в народном океане. Необходимо дать возможность удовлетворять естественным социально-нравственным потребностям нашей интеллигенции так рвущейся на бескорыстное служение народу. Пусть уничтожат все преграды, не допускающие ее к народу, пусть уничтожат условия, делающие жизнь в народе невозможной теперь сколько-нибудь образованному с социальными гуманными

стремлениями человеку. Таким путем будет предоставлен исход брожению, которое, сосредоточившись, помимо своего желания, в городах, принимает теперь острый, отчаянный характер. Я нарочно в общих чертах, изложил, как я высказывался. Ниже ты поймешь — зачем. Конечно, все мои разговоры передавались Игнатьеву. Он жил тут же, в Департаменте, и из его комнат во втором этаже шла лестница в переднюю кабинета Директора (теперь она, хоть и есть, но ход заделан; Толстой⁵⁴ не здесь живет). Во всяком случае, я был уверен, что если мои мнения не могут иметь значения, то выслушивают не без интереса. Не мои как такого-то, а как человека партии, которую власти вовсе не считают ничтожной и недостойной внимания со стороны ее взглядов.

Не могу я, и некогда (надо завтра отдать написанное) в подробностях излагать дальнейшие свои тюремные впечатления и сведения. Факт тот, что Плева все реже и реже стал упоминать мне об амнистии и как-то неохотно говорил на эту тему. Наконец, в мае месяце на мой вопрос, что же с амнистией, он берет несколько №№ «Московских Ведомостей» и вместо всяких объяснений говорит: «Прочтите эти номера. Вы, вероятно, умеете читать между строк.»

В газете оказались статьи, в которых Катков с громом накидывался на Земский Собор⁵⁵. В фельетоне (кажется) разбирает Великую революцию, старается доказать, что она и вышла-то, благодаря созыву депутатов от сословий и проч. Очевидно, Катков принимал деятельное участие в закулисной борьбе, но я все-таки не мог решить, насколько его клика оттирает на задний план противников. Так этот вопрос и остался для меня нерешенным.

Плева я не видел что-то долго. Наконец, 2-го июня меня переводят в крепость. Мне показалось очень странным, почему Плева не предупредил меня о переводе. Отдавая свои письма (от тебя), я написал на конверте, нельзя ли их доставить мне в крепость, и так, не выдав его, и уехал.

Я был убежден, что это признак чего-то неблагоприятного, но не мог, конечно, догадаться, что Игнатьев слетел, и всплыл опять Толстой — Письма твои мне были присланы в запечатанном конверте, несмотря на то, что по уставу крепости никаких писем при себе держать не полагается. Сижу я в крепости и недоумеваю, что сей сон означает. Тяжеленько мне было, что так вдруг оборвалась наша переписка, что я не мог предупредить тебя об его прекращении. Начал осведомляться стуком, кто соседни. Отозвались двое. Один оказался Лампе⁵⁶, другой — солдат из крепостного гарнизона, распропагандированный Нечаевым⁵⁷. Не помню его фамилии. Это он мне стучал по порядку азбуки. Я тебе уже рассказывал⁵⁸. Нужно тебе знать, что Нечаев сидит в Александреевском рavelине, распропагандировал на гуляниях 40 человек солдат. Было недавно два процесса из этого количества. Процессы держатся в строгой тайне. На них солдаты выказывали необыкновенное уважение к Нечаеву, он их совершенно околдовал. Замечательный это человек. Ничто его не ломает. На вопрос суда, за что они, солдаты, так уважают Нечаева, отвечали: «Как нам его не уважать, коли он...» * Коли сам генерал Потапов не отважился против него пойти. — Потапов пришел однажды к Нечаеву: «Что, Нечаев, в бога веруешь?» Тот отвечал, что верует, но только не в такого, как он. — «А царя полюбил?» — Нечаев хватил ему в рожу вместо ответа, Потапов только нагнулся, поднял фуражку и вышел: «Что с тебя возьмешь, пропащий ты человек».⁵⁹ Нельзя не удивляться доброте этого человека, вспомнив Трепова и Боголюбова⁶⁰, Мезенцева⁶¹ и того же Нечаева. Мезенцев за какую-то грубость, не сопровождавшую мордобитием, посадил Нечаева на цепь. Так он просидел два или три года.

Вдруг 10 июня приносят мне в камеру одежду и велют одеваться. — «На прогулку?» — спрашиваю. (Там служителям приказывают не отвечать на вопросы заключенных, что с повичками, обыкновенно, соблюдается строго).

* предложение недописано.

Просидел неделю, и еще ни разу не ходил гулять. Но меня сажают в карету и везут в Департам<ент>. Оказалось, что Плеве пожелал поделиться со мной впечатлениями по поводу открытия динамитной мастерской⁶². Меня удивило, что он казался значительно спокойнее, чем после убийства Стрель<никова>, хотя дело для него было неожиданным. Судейкин давно следил за всем, что делается около мастерской и по покупкам в магазинах знал, что там готовится динамит, но, по своей обычной тактике поражать, молчал до дня ареста.

На мой вопрос, насколько это обстоя<тельство> повлияет на благие всякие начинания, Плеве замахал руками: «Ну, нет, теперь уже все в трубу». Я был так огорчен бестактностью Комитета, что не мог не высказать ему своих мыслей. «Очевидно, там совершенно нет умных людей», — заметил он.

Мысли мои я тебе описывал во 2-м, глав<ым> образ<ом>, письмо в этот период сидения в Департ<аменте>⁶³. Царь перетрусил, задуманный было переезд в Питер отложен, отложена и коронация. Владимирцы и торжествовали, и бесновались. Плеве надеялся, что будут всех нас судить военным судом. Он показал мне карточки 17 человек, арестованных по делу мастерской. Из них моими знакомыми я назвал Грачевского и Анну Павловну⁶⁴ (ни он, ни я еще фамилии ее не знали). У Андреева взято 8.000 рублей⁶⁵, из коих Судейкин получил вознаграждения за свой подвиг 5.000 рублей и чин подполковника. Остальные лица мне действительно не были известны, кроме Быховского, (товарища по гимназии),⁶⁶ с тех пор я его не видал — он всегда был лавристом, когда еще существовала эта кличка. Я уверял Плеве, что он, наверное, никакого участия в деле не принимал, что, по всей вероятности, почти так и было. Его к суду не привлекали. Узнал я также, что из Кары бежало 8 чел<овек>, из коих Мышкин и Юрков<ский> добрались до самого Владивостока⁶⁷. На мое замечание, что вследствие этого на Каре, вероятно, страшно теснят теперь, он удивил меня ответом. «О! Конечно». Вообще я заметил, что он тоже не настроен примирительно. Я выразил сожаление, что притеснения едва ли к чему хорошему послужат, стал перебирать все террорист<ические> события прежних лет, вызывавшиеся более жестоким обращением с заключенными. Указывали, что тюрьма служила у нас всегда лучшим воспитатель<ным> заведением в революц<ионном> отнош<ении>. (Примеры Кибальчича, Геси и Колодевича и др.)⁶⁸ Между тем, как декабристы, благодаря гуманному обращению и значитель<ной> свободе, предоставленной им в пределах Николаев<ского> Завода⁶⁹, повыходили совсем не такими ярыми, как вошли туда. В заключении свидания, уверенный, что отправляюсь в крепость, прошу у него написать тебе письмо. Он разрешает и при этом говорит, что оставляет меня у себя на некоторое время. Думал было спросить у него о причине моего внезапного перевода в Креп<ость>, но тут доложили, что его хочет видеть товарищ министра Дурново.⁷⁰

Вернувшись к себе в прежнюю камеру, я предался совсем неприятным чувствам и мыслям. Плеве не сказал мне об удалении Игнатьева (он сам подал в отставку). Мне казалось, что еще все-таки нет полного торжества за Владимирцами, что Плеве махал руками сгоряча, под влиянием свежих впечатлений от мастерской, что, вероятно, он не оставил бы меня здесь, если б не было у него каких-нибудь видов. В его манере уклоняться от разговоров на тему, что творится в кругу правящих, я нашел некоторые перемены. Посмотрим, думаю, что будет дальше. Не готовит ли Игнатьев какого-нибудь маневра, чтобы все-таки поставить на своем. Написал я тебе письмо, в коем выражал свое неудовольствие на Ком<итет> за его крайне неумную выходку⁷¹. И в самом деле, какая была глупость, словно трудно так уразуметь, что террористическое предприятие до коронации не послужит в пользу партии, хотя правительство ничего примиритель<ного> не намеревалось предпринять. Я говорил Плеве, что, может быть, они не думали ничего производить до коронации, а лишь готовились на после, будучи уверенны заранее, что коронация хорошего ничего не принесет. Но он справедливо заметил, что не могли же они не допускать мысли, что

мастерская будет открыта; открытие же ее равносильно по значению совершившемуся покушению. Как будто нельзя было устроить ее не в Петербурге, как будто не знали, что тут Судейк<ин>? Ужасная глупость. Я всегда восставал против заведения в Питере каких бы то ни было конспиративных или складочных квартир (хотели ведь сюда типографию переносить). При мне еще и Л. кажется соглашался, что в случае нужды в производстве динамита безопаснее всего этим заняться в Остзейском крае. Письмо было мне возвращено с вычеркнутыми сведениями об арестах и бомбах. Я переписал его. Жду, чем выяснится здесь мое положение. Что-то оч<ень> долго Плеве не вызывает. Получаю твой ответ, где ты упоминаешь о перемене в министерстве. Мне казалось, что это случилось в мое пребывание здесь. Наконец, зовет Плеве, не помню уже, зачем. Я выражаю недовольным тоном изумление, что он не сообщил мне о перемене министерства. Он как будто сконфузился.

— Ничего оградно нет, что было бы вам приятно знать.

— Кто же вместо Игнатьева?

— Угадайте.

Я готов был уже сказать, не Меликов⁷² ли. Но он прибавил:

— Самая непопулярная личность в России.

— Или Трепов или Толстой — говорю я,

— Последний.

— Ну, — вырвалось у меня, — достанется же печати за ее лягание.

— Да, не поздоровится.

Этими отрывочными замечаниями он и отделывался. Мелькнула было у меня мысль просить перевода в крепость. Затем другая — лучше подумаю у себя в камере, как мне теперь себя вести.

Прежде всего заняли меня догадки, зачем Плеве оставляет меня в Департ<аменте>. Полицейских поползновений в собственном смысле слова я в нем не предполагал. По крайней мере, в отношении к себе. Во все предыдущие отношения он, конечно, хорошо понял, что таких видов нельзя питать насчет моей личности. К тому же я настолько пригляделся к нему, что не мог не убедиться в том, что он вообще избегает подвохов, запутывания, а тем паче, систематического всасывания человека (система Добржинского). О предательстве он всегда отзывался с непритворной брезгливостью, «с чьей бы стороны оно ни было». Как-то читал мне донос на Станюковича⁷³, в котором автор изображает его страшно вредным человеком и удивляется, как его терпят до сих пор на свободе. О Меркулове⁷⁴ говорит: «поганая личность» и пр. Он настолько мнит сохранить свою чистоту от грязи своего положения, что воображает, будто можно быть директором полиции и в то же время правдивым человеком. Нередко, на мои нескромные вопросы он обыкновенно или уклонялся от ответа, или прямо говорил: «Этого я не могу вам сказать.» Такой манерой он был поводом к самоубийству Гольденберга. Не будучи посвящен в тактику его опутывания Добржинским, он на замечание Гольден<берга> «помните же, г. прокурор, (тогда он был прокурор<ом> палаты), чтобы мои товарищи не были казнены» (в этом роде что-то) — Плеве удивленно возразил: «Ну, это нелегко». Тогда-то Гольд<енберг> понял, что Добрж<инский> надувает его всякими уверениями, будто царь обещает никого не казнить и пр. Тем не менее Плеве обнаруживал какое-то непостоянство настроения, то он очень примирителен и либерален, то слишком бюрократ. На него производит какое-то странное воздействие звезда и мундир. Когда он с этими атрибутами, я заметил, что он гораздо суше и чиннее себя ведет, в черном сюртуке — обыкновенный человек. Одним словом, я решил, что быть настояще не мешает, и сам требовать перевода в крепость не стану, если к тому не представится повод. Причин такого решения было две: 1) возможность переписки с тобой, 2) отчаявшись на что бы то ни было надеяться при Толстом, я стал думать о побеге. С крепости нечего было и помышлять. Здесь была возможность, если б кто-нибудь из военных поступил в Штаб Жандармов, офицеры которого дежурят в арестантском отд<елении>

Департамента. Вопрос состоял в заведении сношений с волей и в принскании охотника перевестись в жандармы. Я метил даже на 2-х знакомых офицеров. Но как завести сношения. Выписать поскорее сестру⁷⁵. На этом пока я остановился. В этих целях даже дал понять Плеве, что при моем ревматизме и прочих болезнях в крепости сидеть мне не особенно приятно. В сущности, перевес удобств за крепостью. Тут нет прогулок, своего покушать нечего нельзя, даже чай полагается по два стакана вприкуску утром и вечером (чай отвратительный). Обед правда носят, из какой-то кухмистерской, но ужасно скверный. Конечно, все это я мог бы улучшить, обратившись к Плеве, но мне это было неприятно. Только когда оч^{ень} разыгрался катар, я попросил удвоить порцию булки, так как обед редко когда ем. Веселья тут никакого, ибо у каждой камеры стоит часовая, так что стучаться постоянно мешают, к тому же редко когда привозят арестованных, а если и привозят, то сажают не рядом. (С двумя всего мне пришлось тут стучать, с Ламле и с каким-то Балком, ссыльным, привезенным из Сибири по заявлению, что он что-то хочет объяснить важное⁷⁶. Мне потом офицер сказал, что это был шпион, т. е. доносчик на каких-то сибиряков, но я с ним ни о чем таком не разговаривал, даже фамилии своей не сказал). Так сижу я долго-долго, обо мне как-будто забыли, даже книг, бывало, не допросишься. Оказалось потом, что Плеве уезжал за границу прохладиться. По возвращении зовет меня, объясняет, что был в странах, где я так долго прожил. — «Не видали ли моего Дейча?» — спрашиваю, шутя. Он сконфузился почему-то, вероятно, усмотрел в моем вопросе, что я придавал его поездке полицейский характер, и поспешил объяснить, что ездил отдохнуть. Рассказал, что в это время случился побег Новицкого в Саратове⁷⁷, что арестов почти не было, кроме Ивановской⁷⁸ и еще каких-то (он не назвал) не важных. Потом предлагает мне следующее: не возьмешь ли я написать для него историч^{еский} очерк движения моего периода до 79 года, что он даст кой-какой материал, показания некотор^{ых} лиц (Трудницкого, Веледницкого, Богуславского⁷⁹). Я прошу подумать и обещаю дня через два дать ответ. Дает он мне очерк движения, написанный каким-то III Отд^{еления} чиновником⁸⁰. Мне, собственно, крайне не хотелось писать. Не потому, чтобы из этого мог бы выйти кому бы то ни было какой бы то ни было вред: вольно было мне писать, как захочу. А просто какая-то беззлостность писать для Департ^{амента}.

Прочел я данный мне очерк. Ерунда страшная. Всему у него причиной личности (начиная с Черн^{ышевского}) и Михайлова⁸¹) и ничуть не обстоятельства, не условия нашей жизни. На странице в конце небрежным крупным почерком карандашом написано «Читал» (уже не царь ли, подумалось мне). Отчего же не написать по-своему очерк движения, изобразить настоящее причины его происхождения и развития. Записка наверное, прочтется не одним Плеве, а сказать этим господам истину, хотя и не новую, лишний раз не мешает. К тому же это даст мне возможность преследовать и те мои личные цели. И вот я заявил Плеве, что берусь. Получаю письменные принадлежности и начинаю работать. Сначала шло довольно изрядно, охотно остановился я на движении 74 г., процессе 193-х, чтобы показать, как тогдашнее поведение властей положило впервые прочное основание последующему движению, но мало-помалу мне стало ужасно лениво писать. Однообразие, отсутствие всяких впечатлений, наконец, неудобство сидеть подолгу (геморой) и вообще вялость — отбили всякую охоту к писанию. Я тянул работу по обязанности, только и все, ожидая приезда сестер. В несколько месяцев написал всего 37 листов крупного почерка и по сей день держу ее у себя. Но как бы плохо ни был написан очерк, в нем все-таки я старался доказать, что наше движение обязано своим происхождением главным образом двум причинам: 1) безвыходностью положения интеллигентных элементов, которые при существующих порядках не могут найти приложения своим силам, не могут удовлетворять присущим им общественно-нравствен^{ным} потребностям; 2) широкий полицейский режим, чрезмерная система подавлений, гонений и т. п. Эти причины я особенно отте-

няю и, конечно, вольно и невольно подгоняю к ним объяснение разных фактов и эпох движения. (Имей поэтому в виду, что если этот очерк всплывет когда-нибудь наружу⁸², то к его фактической стороне надо относиться не с особенным доверием. Фактов новых никаких, только объяснение уже известных из разных показаний и обеление лиц, справедливо или несправедливо оговоренных; разумеется, с известной осмотрительностью). В заключение вывожу, что ослабить остроту движения могла бы только широкая амнистия, а полное уничтожение революцион<ного> движения, того, какое, собственно, у нас существует, могли бы <произвести> те меры, о конх я говорил уже при долгой беседе с Плеве в день убийства Стрель<никова>. Я нарочно стараюсь быть не особенно радикальным в своих требованиях, да это было бы неуместно и непрактично. Я не говорю, что только коренное изменение государ<ственных> начал может уничтожить революц<ионное> движение. Напротив, утверждаю, что средства для этой цели есть даже в пределах существующих государ<ственных> форм. Таковы начиная с широкой амнистии, открытие свободного доступа молодежи в среду народа, привлечение ее на служение ему в должностях вол<остных> писарей, учителей, фельдшер<ов> и пр., понижение ценза земского, введение ценза образов<ательного>, доказываю при этом, что смешно даже предполагать, чтобы из этого вышла пугачевщина или что-нибудь в этом роде. Если у меня будет время (суд через десять дней) и возможность еще передать несколько листов, сделаю выписки из своего очерка. А теперь бросаю его.

Я пишу экспромтом, ужасно торопливо, оттого выходит многое не ясно, должно быть, недосказанно и безграмотно. С каждым днем ожидаю перевода в Д<ом> Пред<варительного> Закл<ючения>, не уверен вполне, что не сделают обыска после посещения адвоката, что обыкновенно всякий раз практикуется в крепости. Хочу страх как передать эти листы сегодня, вчера не удалось. Надеюсь, что еще напишу несколько листиков, но надо сбрызнуть эти, чтобы не находились у меня в камере. Хочется мне побольше написать тебе, все мелочи пересказать, но едва ли удастся. Знай наперед мое желание. Я хочу, чтобы ты прочел мое письмо с Верой⁸³ вместе, не желал бы, чтобы ты его разглашал даже в близкой публике. Рассудите с Верой, что следует сказать, а что не следует. Я хочу, чтобы моя история известна была только очень близким людям, которые меня знают и не перетолкуют моего поведения в дурную сторону. Я знаю что Нечаев, Желябов и вообще люди этого типа повели бы себя иначе. Но я человек другого нрава. Есть известный круг, переступить через который также обязательно для меня, как и для Нечаева, Желябова и пр. Но за этим кругом регламентация ослабевает, выступает индивидуальность, с ее характером, натурою, частными взглядами и т. д. Я хорошо знаю, что ты, напр<имер>, на моем месте повел бы себя иначе, сообразно твоей индивидуальности, отличной от моей, и за которую я тебя так и полюбил. Прежде когда-то ты бы, наверное, осудил меня за такой образ действий, но теперь я этого не ожидаю. Может быть будешь критиковать нецелесообразность того или другого шага или слова в частности, но в общем ничего не найдешь нехорошего. Нельзя сказать, чтобы я не умел бравировать, если б то находил нужным. Но мое положение этого не требовало, и не обещало выгод ни для себя, ни для других. О себе я, разумеется, тоже думал, я бы хотел еще пожить на свободе, не лишившись всех своих сил и способностей... К сожалению, сестры приехали слишком поздно, а то, чего доброго, возможность вырваться нашлась бы. И впредь, конечно, не перестану об этом думать, но уже силы слабеют, энергия, предприимчивость. Заключение быстро развивает мои недуги. Надежда на Кару, Плеве, от которого зависит определить меня туда, прямо говорит, что если не осудят меня на смерть (теперь он на это совсем не надеется, когда стало известно, кто председатель суда⁸⁴), то пошлет меня на Кару. Но черт его знает, он теперь значительно испортился. Обо мне же нередко отзывается: «Если бы судить не на основании формальных улик, а по степени значения в револ<юционном> мире человека, то Вас, разумеется, следовало бы казнить или, по меньшей мере, в Шлиссель-

<бург> поместить» (в таких случаях он обыкновенно улыбается). Но оставим пока рассуждения. Помни, дружок, мое желание. Делать общеизвестной мою историю не хочу я. Да дойди как-нибудь до Плева, что я ее описал на волю, он, конечно, не станет более благоволить ко мне, а упрячет в одиночное. Там же, на Каре, авось...

Но ты не вздумай предпринимать что-либо. Все, чего я бы желал, — это заведения сношений; поселение вблизи человека такого. Лучше всего было бы для этого воспользоваться братчиками (Л. знает, кто это⁸⁵). Из этой среды людям легче всего там осесться, не вызывая подозрения. Пока до свидания. Надо отдать эту часть письма.

После всего сказанного тебе уже ясно, почему Плева допустил между нами переписку. Происхождение ее вполне естественно в те времена, когда готовились всякие облегчения и когда видели во мне нужного человека, потом же к этой переписке привык он, перестал находить в ней нечто страшное; нельзя отрицать, что, продолжая ее терпеть, снисходил в этом случае к нашим близким отношениям; будучи, так сказать, отчасти посвящен в них, не мог не понимать, вникать рельефнее в наши взаимные чувства. Тоже ведь человек. Но нельзя также не допускать некоторого утилитарного значения переписки нашей для него. Из нее он все-таки мог составить представление об общем положении эмиграции, почерпнуть вообще некоторые для себя сведения, хотя и не могущие никому повредить, все же интересные для человека, серьезно взявшегося за изучение нашего движения. А он много над этим работает, перерывает самые старые дела, сидит в Департаменте от 1—6 дня и от 9—12 вечера. Если я являюсь к нему под конец его занятий, всегда застаю его ужасно усталым, совсем мокрой курицей, да и немудрено. Он особенно подчиненным не доверяет, делает все сам (боится напасть на нового Клеточникова⁸⁶).

Власти у него оче^{нь} много. По крайней мере, было до назначения 2-го тов<арища> Мин<истра> Жандар<мского> генерала Оржевского⁸⁷. Донесения царю он писал. В день убийства Стрель<никова> я как-то спросил, знает ли уже об этом царь (ночью было). — «Завтра узнает», — и он указал на приготовленный на столе огромный конверт с надписью «Его Императорскому» Вел<ичеству>». Сам по себе человек даже добрый, он в то же время настоящий бюрократ и легалист. При Толстом он далеко не тот, чем был при Игнатьеве. Он так же охотно может работать в пользу примирительных мер, если таково веяние сверху, как и обратно. Он может быть даже жестоким, но, разумеется, через подчиненных. Так, чтобы самому быть подальше от впечатлений, вызываемых результатами жестокости. Расшевелить в нем гуманные чувства нетрудно. При этом он тотчас же принимает меры, чтобы исправить несправедливость или излишества. Помню, в разговоре, он в числе считаемых им опасных в револ<юционном> отношении женщины назвал приятельницу Дурново (забыл фамилию — Анна Алек.⁸⁸) — «Бог с вами, — говорю, — она — противница террористов, к тому же совсем к революции, даже передельской не имеет никаких касательств». Он тотчас же распорядился, чтобы дали знать в Моск<овское> Ж<андармское> Уп<равление> о прекращении ее разыскания. Или с Мартыновым. Добржинский находил его важным оче^{нь} лицом, изучавшим динамитное производство, и имел какие-то указания, что он даже член Ком<итета>. Я говорю Плева, что Мартынова не знаю лично, но слышал о нем. Безвреднее личности трудно найти. Смешно даже подозревать его членом Ком<итета>. Если с ним имели кое-какие сношения, то интересовались, наверное, не его личностью, а, вернее всего, средствами, которые ему со временем предстояло иметь.

Добржинс<кий>, наверно, его впер бы в процесс. Желиховский⁸⁹ тоже ужасно почему-то вострил на него зубы. А благодаря Плева Мартынов отделался администрат<ивным> порядком. Впрочем, однажды сам же Плева заявил мне, что, в сущности, каторга на Каре легче админист<ративной> ссылки в Якутскую область. Ссылному придирки полиции совершенно управляют жизнь. На Каре спокойнее. Романенко тоже он избавил от про-

цесса, хотя нужно сказать, что Ром<аненко> и себе самому много обязан⁹⁰. Златопольский (передает мне защитник) считает его почему-то шпионом. Это, конечно, превращение, если не мухи, то кошки в слона. Ром<аненко> поставил себя собственно отвратительно. Плевле отъезжается о нем так: «Мальчишка, и даже неумный мальчишка». Он (Романенко — Л. Л., А. Р.) заявил, будто его нарочно посадили в квартиру Ольги⁹¹, чтобы отделаться таким образом от него. Поэтому он дескать очень озлоблен, на недолостых товарищей, но выдать никого не может, потому что с очень немногими встречался, ибо в <делах?> не принимал участия. А тех, которых и знал, то лишь по кличкам, а не настоящим фамилиям, так напр<имер> Эдуард, Платон и др. Вероятно сказал что-нибудь б<олее> или м<енее> существов<ное> о Златоп<ольском>, если тот на него так зол; на воле совсем другое было⁹².

Кроме того что при Ром<аненко> взяты статьи, приготовленные для НВ, на него несомненно указывал и Борейша, с которым он в Москве нередко виделся, тем не менее его ссылают в южные края Азии или Кавказа, в места, где климат не вредный его здоровью. Он ведь чахоточный.

Я буду писать без всякой системы, так. Искры (I слово нрзб. — Л. Л., А. Р.), как обрывки воспоминаний, возникают в голове. Ты уже сам в своей собственной приведи все это в порядок. Сначала думали, что это я был у Сютаяева. «Не ваш ли это <план?>?» — спрашивал Плевле. Я сказал что не мой и никого другого из революционеров. Ибо насколько я слышал там были такие же раскольники, как и Сютаяев, только другой <какой-то> Секты⁹³.

Потом как-то из Саратова прислали ему послание братчика за подписью Семен Печальный. Но этим делом тут нисколько не интересуются. Убедившись, вероятно, что в Осташкове были не революционеры (Лампе по карточке Сютаяев признал за одного из двух, но при очной ставке отказался⁹⁴) и что это дело не всецело, а лишь немножко народофильское (по отпечатанию уложения и послания), сдали его местным Жан<дармским> Упр<авлениям>. О нем никогда не затевают разговора ни Плевле, ни Добржинский. Может быть впрочем потому, что само Христ<ианское> Братство замерло.

Я забыл сказать, что в готовившуюся амнистию должен был войти Тихомиров. Им совсем не интересуются, считают удалившимся <давно от дел?>. Таким его изображала Ольга Люб<атович> да и я. Но об отъезде его с семейством за границу и М. Н. Плевле имел сведения гораздо раньше, чем ты мне написал.

Еще, кажется, до Стрельн<иковского> убийства Плевле читал мне мое письмо к тебе, отобранное в Белграде у Присецкого⁹⁵. В нем я характеризую Исп<олнительный> К<омитет> и выражаю негодование на богатых революционеров, сберегающих свои денежки. Помнишь это письмо? Оно заставило его думать, что я член Исп<олнительного> К<омитета>, в чем я его разуверил: меня не могли так скоро принять, потому что моя личность требовала испытания, а мои убеждения слишком недавно были не совсем подходящие к комитетским, чтобы не вполне согласоваться с убеждениями людей, всецело воспитавшихся в Н. В. Но, разумеется, не арестуй вы меня, я был бы оч<ень> скоро в Комитете.

— Да ведь агентами И<сполнительного> К<омитета> обыкновенно на суде и на допросах именуют себя члены же К<омитета>, — замечает он⁹⁶.

Я объяснил, что точно так <следует из?> Гольденберг<овских> показаний. Тогда общество было просто кружком, и чтобы фигурировать в качестве многолюдного сообщества, одни и те же лица брали на себя по два звания. Но после общества действительно разрослось и агентура III степеней уже теперь не миф. Когда-то в 78 г. Исп<олнительный> К<омитет> был только фикцией.

Я вчера очень устал; был защитник, продолжительный разговор меня

утомляет. Не знаю, и не совсем даже помню, что я написал тебе на этом листике. Теперь утро и я чувствую себя бодрее.

Вот образчик моих разговоров с Плеве.

— Как велики размеры Н. В. — как-то спрашивает он.

Ответ: Трудно определить эти размеры при установившихся формах организации. Люди научились предотвращать последствия казусов á la Гольденберг.

Отдельные группы по возможности не знают друг друга, изолированы одна от другой и имеют общение между собой лишь посредством агентов. Разумеется, на практике совершенная изолированность не достигается, но сравнительно с недавними годами (с тем, напр<имер>, что было при Гольденб<ерге>), сделан огромный прогресс, который особенно бросается в глаза мне, человеку, долго отсутствовавшему из России. Выдача целиком возможна лишь в пределах одной группы. (Пример с Саранцовым). Конечно, и при этой системе, состоя давно в одной организации и имея возможность сопоставить множество разных мелких обстоятельств, нетрудно определить приблизительный контингент ее. Но я слишком мало пробыл в среде Н. В. (с ноября). Тем не менее, как человек уже бывалый, более или менее представляю себе эти размеры и нахожу их гораздо ограниченнее, чем ожидал. — Какова же цифра, по-вашему?

— В партии нужно различать среду, в коей живет и питается Н. В., и собственно организацию. Размеры среды вам, вероятно, гораздо лучше знать, чем мне. Она создается не усилиями личности, а внешними обстоятельствами, тактикой, политикой правитель<ства>. В организации же, по моему, наберется не более человек 500—600⁹⁷.

— О! Это сила для тайного общества!

— Вы находите? Я думаю, что при более деятельной энергии, при благоприятных обстоятельствах, какие представляет среда эта цифра могла бы быть гораздо больше.

Плеве: Удивляет меня, что так долго не выходит 10 № Нар<одной> В<оли>⁹⁸. Мне кажется, типогр<афию> устроить — плевое дело. (Разговор был после побега хозяев из квартиры типографии в Москве⁹⁹). Не следует ли думать, что они решились замолкнуть до коронации?

Ответ: Я склоняюсь к Вашему предположению. Но надо также и то иметь в виду, что при строгой централизации машина вообще двигается оч<ень> медленно. Безопасность и прочность организации при наших русских условиях неминуемо приобретает за счет быстроты действия.

Не мешает народольцам знать, что собственно к литературной стороне газеты относятся здесь крайне неуважительно. Такие люди, как Суд<ейкин> (из юнкеров), в этом деле, конечно, ничего не понимают. Но Плеве — образованный, Муравьев — бывший профессор¹⁰⁰. Последний видел меня в Жан<дарском> Упр<авлении>.

— «У вас литературных талантов совсем нет», — таково его мнение.

Он удивляется, что при стесненном положении легальной печати не сумели создать солидной револ<юционной> литературы. Он объясняет это тем, что Н. В. как партия не особенно популярна в обществе, если литер<атурные> силы, теснимые цензурой, не льнут к ней. Напрасно сложилось у нас мнение, что правительство не обращает внимания на нашу литературу. По степени ее значения и талантливости оно судит о значении партии в обществе. Прокламационную часть оно совершенно игнорирует. Одни только заявления Исп<олнительного> К<омитета> возбуждают его интерес. Суд<ейкин> говорил, что по поводу покушения Санковского с нетерпением ждали объявления, чье это дело, партийное или нет¹⁰¹. (Нужно тебе, друже, знать, что я настоял на том, чтобы не присваивали себе этого дела, и сам составил редакцию заявления. После убийства Стрельн<икова> долго ждали заявления. Почему оно не является, строили предположение, что Комитет из политики думает обойти это дело молчанием, чтобы показать тем, свою готовность не резать глаз правительству террористич<ески>ми заявлениями до коронации. В таком предполагаемом намерении ус-

матривали благоприятный признак. (Это было время «начинаний»). Обстоятельством этим (явиться или нет заявление) настолько интересовались, что когда оно, наконец, вышло, Плевэ позвал меня, чтобы рассказать об этом, как об интересной новости. Обращают внимание и на самую редакцию заявлений. Так, в Стрельниковском утешались тем, что оно написано сдержанно, без угроз¹⁰².

Раз Добржинский принес мне только что вышедшие №№ 8 и 9 Н. В.¹⁰³ и просил прочесть передовую статью в доказательство, что И<сполнительный> К<омитет> настроен совсем непримирительно. Мы провели в разборе этой статьи фразу за фразой. Я хотел показать, что из нее нельзя выводить террористич<еских> намерений, quand même; он мне выдергивал одни фразы, я противопоставлял другие. Кстати, Добржинский считается лучшим знатоком положения револ<юционной> партии и значения тех или других ее деятелей. Суд<ейкин> причислял его мне к партии белых террористов; это довольно верно. Даже до убийства Стрель<никова> он находил, что амнистия должна быть обусловлена подпиской обещания не заниматься впрямь револ<юционными> делами. Я говорил, что это значило бы совершенно парализовать действие амнистии, ибо даже самый безвредный нелегальный или эмигрант сочтет для себя унизительным дать такую подписку: на нее будут смотреть как на требование отказа от своих убеждений. После Стрель<никовского> дела забегал раз (и в послед<ний> раз) Суд<ейкин> (на другой день убийства) и потешался над Добржинским, как он ужасно за себя трусит. Он же, Суд<ейкин>, сам давно пророчил Стрель<никову> такую судьбу и увещевал его быть гуманнее. Насчет себя заявлял, что хотя ожидает и себе подобной участи, что это будет несправедливо со стороны партии, ибо он, Суд<ейкин>, вреден лишь для террористов, а вообще револ<юционную> партию считает даже полезной, необходимой для нас, русских. Твои шифрован<ые> места о Мальчике были разобраны, Суд<ейкин>, конечно, не верил Дегаеву и раньше¹⁰⁴. Он следил за ним в Москве, как мы и предполагали, называл мне гостиницу, где Дегаев останавливался, Макову (но о квартире Л. ничего не говорил). Много он рассказывал о своей деятельности в Киеве. Восхищался нашим побегом, причем заметил, что я, должно быть, хорошо играю в шахматы. «Это была настоящая шахматная игра».

Интересен разговор о вооружен<ом> сопротивлении в д<оме> Косаровского. Когда одного жандарма убили, остальные отказались ему повиноваться, не хотели идти на приступ. Тогда он должен был прибегнуть к военной силе и для ареста Бабичевских гостей взял тоже простых солдат и городовых, не надеясь на храбрость жандармов¹⁰⁵. Осинского он хотел арестовать, предупредив возможность вооруженной защиты. «Я, — рассказывает Суд<ейкин>, — употребил такую хитрость: — Выбрал самого несчастного, плюгавого городского и приказал ему остановить Осинского на улице и попросить в участок. Я был уверен что Осин<ский> пойдет, потому что ему и в голову не могло прийти, что для его ареста избрали тщедушного, мизерного бударя!»¹⁰⁶

Производил он расследование о нашем побеге, хотел непременно привести для себя в ясность всю «игру», не понимал он, куда мы и каким путем уехали из Киева¹⁰⁷. Доносов было множество — на кондукторов, которые будто привозили нас прямо к границе, на каких-то урядников, будто нам помогавших и укрывавших. Но все-таки ему не удалось добиться толку. По протекции Суд<ейкина> в Москву назначили начальником Сек<ретного> Отд<еления> Скандракова, его друга. О нем Суд<ейкин> говорит: «Мы с ним дружны, как вы с Дейчем.» Они ежедневно переписываются и часто ездят на свидание друг к другу на промежуточных между Питером и Московской станциях.

— Сколько вы получаете жалования? — спрашивал я. —

— Ох, что-то много.

— Тысяч 5 будет?

— Больше¹⁰⁸.

— Через 2—3 года, пожалуй, будете губернатором.

Он сделал гримасу:

— Я и теперь не променял бы своего места на губернаторское, даже на генер<ал>-губернаторское. Вы не знаете, как много можно сделать в моем положении! Со своими подчиненными шпионами он обращается по-приятельски. Его состав совсем обновлен. Суд<ейкин> повыгонал прежних и понавозил своих киевских или сам, как он выражается, воспитал новичков в Питере. Воспитание идет быстро. Я полюбопытствовал спросить, практикуется ли пытка. Он уверяет, что это вздор, одного Соловьева пытали¹⁰⁹. Но это было при III Отд<елении>. Я-то уверен, что пыток теперь не существует в настоящем значении слова. Златопольский утверждает, будто Александра Михайлова замучили¹¹⁰. Невозможного тут нет, если взять во внимание: 1) что в Алексеев<ском> равелине после обнаружения Нецаевского солдатского общества страшные строгости и 2) что А. Мих<айлова> считают оч<ень> важным революционером. Одной обстановкой могли убить.

Шлиссельбург и Алек<сеевский> рав<елин> теперь переполнены. Привезли сюда 8 чел<овек> из Сибири, тех, что бежали, из них привозили в Департамент (думаю, не Андриана¹¹¹ ли) в кандалах. Кстати, вспомнил о Льве Златоп<ольском>. После суда он заявил желание изложить какие-то свои открытия, с помощью них правительств<во> искоренит крамролу. Он сидел со мной в Департ<аменте> около 3 мес<яцев>, все писал. Я не сноился с ним, нельзя было, далеко сидел. Плеве говорил мне, что он, кажется, тронувшийся, маниак. Глубоко верит, что его отсюда выпустят на свободу. В чем заключался его план искоренения, я не знал. Тогда еще сам Плеве не знал, а то бы сказал. Потом я его как-то забыл совсем об этом спросить. Теперь думаю, что если и спрошу, то не скажет. Во всяком случае ему, Л. Злат<опольскому>, свободы получить не пришлось¹¹².

Мой Плеве настолько испортился, что не передал мне твоей брошюры о Кибальчиче¹¹³ и итальян<ской> книжке¹¹⁴. На днях я его видел, просил дать мне заключение Киев<ской> Палаты по Чигир<инскому> делу и, между прочим, заявил желание прочесть недостававшие мне книги, — Вы что-то становитесь строги, — я говорю, — Ведь давали же вы мне автобиографию Михайлова¹¹⁵, книжку Степняка¹¹⁶.

Он обещал прислать, записал на заметку, а между тем не присылает. Тоже опять вырезал две строчки из твоего письма начиная от фразы: «Аресты объясняются, впрочем, подчистой и приборкой всего лишнего...» Прежде с письмами этого никогда не случалось. Иногда в моих что-нибудь вычеркивал (напр<имер>, что я сижу здесь, в Депар<таменте>), а в твоих ничего. Вообще, он немного безалаберный. Так, вычеркнул из списка книг Маркса¹¹⁷ (зная, что он умер) и les français Hist<oire> de la Com<munе>¹¹⁸, а сам же давал мне такие книги, как Hist<oire> de 10 ans. Luis Blanc¹¹⁹, «Politique moderne» — не помню, чья, очень радикальная книга¹²⁰, История Интернационала (по фран<цузски>) редактора Journal de Débat¹²¹. Письма мои идут к тебе без вычеркивания. Если я их сам отдаю Плеве, тогда он делает некоторые замечания (боится, чтобы в газеты не попало). Я его успокаиваю и он запечатывает и отдает чиновнику (тоже и последнее не отправил бы, если бы я сам не отдавал непосредственно.) Отсюда можешь вообразить несколько этот тип. Тут же он сказал мне, что мне, вероятно, еще придется тебе писать. Книги, надеюсь, будут при мне. Просил сестру раздобыть побольше русских. Таким образом, привезу карицким подарок. Ввиду этого, (а не только личного для себя) значения книг, я и дерзал от вас просить высылки их, не церемонясь с расходами. Я желал доставить Крас<ному> Кресту возможность дать доказательство своего существования карицким или крепостникам. Отсылая часть денег Олимпу¹²² и «Вест<ник> Евр<опы>», имел в виду всю тамошнюю компанию ссыльных. Если точно Кр<асный> Кр<ест> существует не только номинально, то знай наперед, Женюк, что если буду обращаться (через отца) за деньгами с обозначенным суммой — значит

прошу не для себя, а вообще, для всех. Это, разумеется, в случае, если Кр<асный> Кр<рест> есть реальное существо.

Признаться, когда сам попал в мир пострадавших, не могу без укора вспомнить, как мы, вольные, забывали о заключенных. Вот, напр<имер>, Теллалов за все время ареста получил лишь от родных 25 р., не курит (что для него большое лишение), не видит булки, не пьет чаю; а крепостной хлеб ужасно грубый. Можно было бы присылать на имя директора (не из заграницы и, не обозначая от кого) или Добржинского. Последний рассказывал, что однажды получил 10 р. неизвестно, от кого с просьбой передать Фроленко. Он это сделал, потом оказалось, что прислала деньги Лебедева¹²³. Разумеется, не один Теллалов так бедствует, о нем мне защитник передавал. Теллалов от защитника отказался и ему не назначили. Напрасно отказался, демонстрировать не перед кем, а то хоть бы новостей узнал или передал что-нибудь на волю. Мой защитник, конечно, поинтересовался узнать, почему меня тут держат. Я рассказал в общих чертах, ссылаясь, главным образом, на «очерк движения». Об этом пойдет болтовня по городу, но не важность. Удивляются иные и из офицеров моему долговому здесь сиденью. Через них нередко (но почему-то не всегда) передаются твои письма, запечатанными в конверт (что вообще не водится); я, с своей стороны, если есть лишний конверт, запечатываю в него адресованный к тебе с подписью Директ<ору> Департамен<та>. Поэтому некоторые меня побаиваются или же боятся, чтобы не убежал, если слышали о Киевск<ом> побеге, и надоедают частым заглядыванием в окошечко.

Когда будешь писать моему отцу¹²⁴, то, если найдешь нужным, пиши два листка: один отец будет пересылать в полицию (что он, впрочем, и с до сих пор бывшими твоими письмами не всегда делал), другой пообстоятельнее будет переписывать для меня, а подлинный хранить. На всякий случай я сестер об этом предупрежу.. Подателя этого письма прими радушно¹²⁵. Он привезет несколько пустяковых старых моих вещей, раздели их на память между собой, Верой и Лизой¹²⁶ (она зубы любила чистить, дай ей щетку). Кстати, о Лизе несколько слов. Из твоего письма, взятого у меня, а также из того, что в Москве передал городской начальству (там была фраза «спасибо Лизе за всегдашние ее симпатии ко мне»), заключили, очевидно, что у нас с ней были особенные интимные отношения. Никто, впрочем, на этот счет, не посмел задавать мне вопросов. Однажды Пизве, показывая мне карточки Халтурина и Желвакова, уже казненных¹²⁷, взял тут же лежавшую другую, нарочно, как видно, приготовленную, и подает: «А вот Хотинская». Я посмотрел: «Да, она.» И, ни слова не говоря, положил на стол. Вероятно, он думал, что я попрошу ее у него и хотел сделать мне эту любезность. Но, не видя с моей стороны ничего подобного, повернул разговор на что-<то> другое. Клянись и поцелуй ее за меня. Но ты, дружок, судя по твоим письмам, кажется, заблуждаешься, насчет размеров наших с ней отношений. Если ей это не неприятно, а тебе интересно, пусть она все тебе расскажет. Скажи, что я храню о ней самые хорошие личные воспоминания. Я поручил сестре написать ей и дал адрес Директ<ора>. Авьось, чего доброго, одна из сестер, Мария, придет учиться за границу. Ты прими ее и помоги ориентироваться.

Одно время у меня была фантазия указать на кого-нибудь из женщин как на невесту, обвенчаться с тем, чтобы она поехала на Кару; была бы полезной, думал я, для сношений, а из сношений, если вернется изобретательность и здоровье, может выйти и что большее. Но ни на ком не мог остановиться, чтобы быть уверенным заранее в ее охотном согласии на эту жертву. А вести переписку об этом было неудобно. При сестрах опять эта фантазия было возникла. Хотел дать тебе знать, не найдется ли такая женщина, Думал было указать тебе поразведать, напр<имер>, о сестре Василя Марии¹²⁸, так как я с ней мог познакомиться за границей в ее <поездку?> с братом. К тому же она сибирячка известной в Сибири фамилии, след<овательно>, можно надеяться, что власти несколько благово-

лили бы к ней. Теперь, разумеется, не вздумай затевать этой истории... Уже поздно.

Если бы подателю не хватило денег на обратный отъезд, то снабди его. Ты говоришь ведь, что имеешь для меня неск<олько> сот. Я понимаю это так, что если есть возможность у меня наделять сотоварищей по заключению, то могу обращаться к тебе. Деньги, вероятно, Крестовские¹²⁹. Хотел бы я быть уведомленным, что это письмо ты получил в исправности. Я был бы тогда гораздо спокойнее. Условимся так: если окажется возможность написать тебе мне до отправки на Кару официально, то вспомни как-будто à propos что мое письмо, посланное с женской оказией и путешествовавшее с ней по Италии, ты получил. Можешь даже высказаться по поводу содержания настоящего письма, разумеется, так, чтобы я один мог понять, о чем идет речь. Если официально известить меня о получении уже будет, то, быть может, сестрам не прекратят свиданий со мной до отправки. Тогда пришли мне подарки. Это и будет значить, что ты письмо это получил. При этом, пожалуй, вырази одобрение его содержания, при-слав что-нибудь красного цвета, (значит, ты мною не недоволен), а неодобрение — черного цвета что-нибудь. Наконец, если захочешь сообщить какие-нибудь сведения, просьбы, требования, не могущие пройти через руки директора, напиши записку, (только не своею рукой), быть может, ее найдется случай передать мне. А то, так и все эти три способа употреби. Это даже лучше будет.

Не будучи уверен, что смогу еще передать листы своего письма, выскажу свое задушевное желание, которое повторял во всяком нелегальном письме: не езди, голубчик, в Россию. Если ты чувствуешь себя чем-нибудь обязанным мне, заплати исполнением этого желания. Оставим общественную точку зрения; нельзя же человеку жить только этим хлебом. Ты знаешь, как я тебя люблю. Я ведь никого не любил, кроме тебя. Оттого все мое личное прошлое, настоящее и будущее сосредотачиваются на тебе. Одна мысль, что ты так рано пропадешь, мне ужасно мучительна. Тебе, может, это непонятно, ибо натура и обстоятельства делают твою привязанность ко мне слабее, чем моя к тебе. Но все же не настолько велика разница между нашими чувствами чтобы ты не захотел принимать во внимание мое спокойствие, а след<овательно>, и здоровье, а следоват<ельно>, — опять и продолжительность моей жизни. Захоти, милый мой Женючек! Постарайся удовлетворить своим общественным чувствам, оставаясь за границей. Хлопочи об основании журнала. Я после тюремных столкновений особенно придаю значение этому делу. В России ведь журнала не устроишь. Если не журнал, то хоть газету, вроде «Недели»¹³⁰. Не могу представить, чтобы не нашлись деньги на это дело. Останься я дольше на свободе, не сомневаюсь, что достал бы. Необходимо только избрать жизненную программу, а не глав<ным> образ<ом>, теоретическую. Журнал или газета не должны быть крайне-социалистич<еского> направления, иначе останутся без практического значения. Чисто социалистич<еское> учение может быть предметом отдельных брошюр, книг. Одним словом, в той или другой форме возьми на себя литературное дело. Навык в нем приготовит тебя к деятельности в пределах самой России при более свободных условиях. Организаторов-заговорщиков воспитают сами обстоятельства, а о литературе обстоятельства мало заботятся. Если б я был на твоём месте и ты бы упрощал меня так оставаться за границей, я бы всего себя посвятил на литератур<ное> дело. Постарался бы добыть денег, ну хоть женился бы на богатой барыне и завел издательство в возможно широких размерах.

Для России все бесполезно, что ей запрещают читать. Ах, Женюк, как бы я был счастлив, если бы таким образом ты устроился. * Ты, дружок, как-то спрашивал в письме, и за что я так тебя полюбил... Прежде всего за то, что в тебе нет тех качеств, которые мне не нравятся в самом себе; за то, что в тебе есть много такого хорошего, чего нет во мне; за то, наконец, что и ты меня любил. Последнее, однако, не главная причина. За доказатель-

* здесь рукопись обрывается.

ством недалеко ходить. Лиза меня любила, но этого было недостаточно, чтобы я ее полюбил. Вот, напр<имер>, я сравнительно с тобой положительно трус. При таких обстоятельствах, при каких меня арестовывали, ты, наверное, бы убежал, а у меня ноги подкосились. Ты решительен, потому что можешь быстро соображать, я же в критический момент, хоть и сохраняю спокойствие, не становлюсь такой тряпкой, как (пропуск — Л. Л. А. Р.), но это спокойствие пассивное, не деятельное. А если из области темперамента перейти в область ума — опять ум у меня ленивый, тяжелый, к отвлеченному мышлению совсем негодный, тебя напротив. Наконец, у меня гораздо меньше воли, чем у тебя. Обстоятельства, правда, сложились для моего образа в представлении людей благоприятнее, чем для тебя, но, сталкиваясь со мной, эти люди убеждались, что я далеко стою не на той высоте, на какой помещался в их воображении. Чигиринское дело прославило меня за организатора; народовольцы (Л. и М. Н.) очень разочаровались в этих моих достоинствах. Побег составил о мне понятие как о необычайно ловком человеке, а причём тут была моя ловкость, сам знаешь. Полиция представляла меня страшным и умным, в то же время чудовищем. Насчет ума она, кажется, если и разочаровалась, то немного, а об ужасности Суд<ейкин> как-то говорит: «Плеве мне сказал, что совсем не таким вас представлял, что вы вовсе не такой страшный, как он думал.»

Я, по всей вероятности, уже кончил свой жизненный путь, ты же — нет, если только захочешь исполнить мою волю. Жизнь для тебя еще впереди, и что ни говори, а я положительно по письмам ясно вижу, что ты развиваешься, умнеешь, это доказывает, что предел твоему росту еще не настал.

18 марта. Когда я начинаю сомневаться, что это письмо дойдет до тебя, мною овладевает уныние, такое тяжелое, что, кажется, и смерти был бы рад. А между прочим, письмо не заключает в себе ничего особенно важного, что могло бы послужить пригодной для нашей братни. Я это знаю. Но таково уж влияние иллюзий в одиночестве. Будь у меня больше спокойствия и уверенности в безопасной передаче письма подателю и в благополучной доставке его тебе, не бойся я, что вдруг да сделают обыск (хотя, по здравом размышлении, это оказывается весьма сомнительным), я бы сделал письмо интересным, ибо материал во всяком случае большой... Жаль, что не могу прочесть написанного, не ручаюсь даже, достаточно ли крепко раствор химии. Если слабо, читай через увеличительное стекло.

Ты, вероятно, ждешь моих мнений относительно дальнейшего направления революционной деятельности. Я сам думаю, что не мешает высказать в общем свои соображения. Опасаюсь только, не попало бы письмо в руки властей, у меня ли или на воле. Не хочется мне, страх не хочется, быть упрятым в равелин. Видишь, как я о себе хлопочу. Невозможно, да и не в моем нраве соразмерять тяжести последствий с той целью, из-за которой их можно накликать. Вот как я думаю: до коронации безусловная тишина, ты уже знаешь, почему я нахожу это нужным. К сожалению, сделанных ошибок против такого рода тактики не воротить. Коронация определяет дальнейший образ действия. Допустим маловероятное положение — амнистия. Какие размеры ее должны повлиять на политику партии? Я стою на почве реальных отношений и не хочу забывать, что мы в России, а не во Франции, поэтому не следует требовать многого. Минимум, как мне кажется, будет не очень минимальным, если сведется на следующее: полное помилование всех не каторжан, перевод на поселение всех тех каторжан, которые не участвовали в царубийственных фактах. Если бы даже такая амнистия не сопровождалась объявлением реформ, облегчающих политическое существование российских граждан, политика партии должна принять примирительный характер. Исп<олнительный> Ком<итет> выпускает манифест: амнистию Исп<олнительный> Ком<итет> принимает как знак того, что правительство решилось удовлетворить желаниям общества. Правительство, конечно, очень хорошо понимает, что сама по себе амнистия не может уничтожить движение, раз останутся причины, неизбежно его вызывающие. Амнистия есть не более как форма договора, в силу коего пра-

вит<ельство> требует от партии и общества известного времени, необходимого для уничтожения условий, принуждавших партию прибегать к террористическим приемам борьбы. Исп<олнительный> Ком<итет> понимает, таким образом, значение амнистии, готов помириться временно с ее неполнотой и приглашает партию воздерживаться как от террор<истических> предприятий, так и от иных таких способов борьбы, которые могут послужить на пользу реакционной клике и поколебать правительство в намерении следовать по <избранному> им пути. Таково должно быть содержание <манифеста> Исп<олнительного> Ком<итета>.

В других заявлениях излагается минимум реформ, необходимых для существования партии в иной форме, чем то было доньше. Тон и самые требования умеренны, вроде письма к Алек<сандру> III¹³¹ (хотя и там, насколько помню, выставляется, кажется, программа Клемансо¹³²). Умеренность необходима в двояких видах: 1) чтобы дать правительству возможность действительно сообразоваться с мнением партии. Голосом общества правит<ельство> легко игнорирует, потому, что общества нисколько не боится. Будьте уверены, совсем другое с революционной партией. Оно принимает её мнения во внимание, если только эти мнения не настолько радикальны, что исключают для правительства возможность принимать их в расчет. 2) Эта умеренность, при неоправдавшихся надеждах, явится наилучшим оправданием в глазах всего русского и заграничного мира возвращения партии к прежней системе действия. Террористический Комитет, призывающий партию воздержаться от террора, — это произведет чрезвычайный эффект.

Разумеется, нельзя сидеть сложа руки в это (подразумеваемое) переходное время. Оно должно быть посвящено организаторской и пропагандаторской работе. Относительно 1-й мое мнение такое: централистическая форма — единственная, могущая выдержать борьбу за существование не только при абсолютизме полицейском, но и там, где нет вообще широкой политической свободы. Тип организации Н. В. — самый практический, хотя у меня осталось впечатление в необходимости пересмотра устава в частности и внесения изменений. При этом (т. е. при организационной работе) не следует упускать из виду, что Судейкин проведет в нее не одного из своих чинов. Он очень интересовался цифрами Исп<олнительного> Ком<итета>, на что я как не член, не мог ему ответить, буде даже желал. По его мнению, чем эти цифры меньше, тем Ком<итет> страшнее, ибо многолюдие неизбежно с отсутствием единства действия, что ослабляет силу всей партии. Пропагандаторскую деятельность свою я, главным образом, на литературу, заботой о которой должна ведать вся партия, а ведение самого дела обязательно должно быть вверено специальной группе. Литература никак не должна носить исключительный характер по направлению. Орган партии (пропуск — Л. Л., А. Р.) отражает вполне настроение центра партии и его политику на данный момент. Повести его таким образом значит заставить правительство относиться к нему так же, как и к органу, положим, Бисмарка¹³³. Будьте спокойны, сравнение вовсе не так гиперболично. Время укажет, когда терпение партии должно иссякнуть, если, что всего вероятнее, правительство не сделает ничего существенного. Признаки разочарования начинаются с побегов водворенных на поселение (я говорю об организованных побеггах), и, наконец, окрепшая организационной работой, популярная, благодаря солидной литературе, партия раздражается громом и молнией.

Само собой, к такому концу надо приготовиться заранее, предвидя его возможность. Такую тактику должен, по-моему, усвоить Исп<олнительный> Ком<итет> с подобающими вариациями на случай: 1) если коронация даст более или менее широкую амнистию, но без торжественных обещаний коренных государственных преобразований; 2) если то и другое вместе; 3) если будут торжественные заявления, но никакой, или очень жалкая амнистия. Этот случай весьма возможен. Правительство побойтся, чтобы общественное возбуждение, вызванное ожиданиями обещанного, не обострилось под влиянием революционных элементов. Затем возьмем почти несомненное

положение, когда коронация не дает амнистии, не послужит поворотным пунктом в обычной внутренней политике. Что тогда? Ничего более, как литература и тот же террор. Из своих столкновений я убедился, что террористические факты далеко не действуют лишь в смысле закрепления реакции. Разумеется, если эти факты есть плод расчета, соображений момента, а не рутинная раз заведенная машина. Царь совсем не знает, как ему быть, либеральничать или свирепствовать. Он колеблется; даже после Стрельниковского убийства поговаривали о возможности призыва Лориса в министерство (он ведь представитель в правительственной сфере европейского конституционализма, а Игнатьев — славянофил, его проект состоял лишь в созыве комиссии на манер Екатеринбургской). Царь высказывает даже такие мнения: «Я — враг административной расправы» — слова, написанные им, на каком-то докладе, забыл по поводу чего. Столпы реакции — Владимир и Толстой. Устранение этих двух лиц, наверное, положит конец колебаниям царя. Правда, есть «Бедоносцев»¹³⁴, Ванновский, но это уже второстепенные персоны. Владимир и Толстой — (пропуск — Л. Л., А. Р.). Вся суть в успехе дела, а не в одной попытке. Напротив, неудачная попытка на Владимира привела бы ещё к худшему. Но не следует пока трогать Судейкина. Его смерть сделает невозможным убийство Владимира и Толстого. Все ведь считают Судейкина непреодолимой преградой, через которую трудно добраться террористам до высокопоставленных особ. Погибни он, тотчас закупрятся в свои Гатчины. Не следует (пропуск — Л. Л., А. Р.) заниматься приготовлениями снарядов здесь, лучше всего сделать их за границей (но не в Швейцарии). Нелегальным жить в Питере абсолютно не следует. Дело надо поручить людям недавним, ибо все здешние легальные радикалы отлично известны Судейкину. Не думайте, что за военными не наблюдают. Известно полиции, что Фигнер образовала целый кружок на юге, и что между военными есть кружки. Мне, напр<имер>, Судейкин называл фамилии Орловских военных (я их знал, теперь забыл¹³⁵), М. Н. их знает, причём упоминал, что один из них (М. Н. знает), бедный, вдруг получил 600 (кажется) рублей и берет отставку, что, дескать, очень подозрительно. Не нужно также устраивать квартир по типу хорошо уже изученному полицией. Бездетные квартиры с одним мужем и женой тотчас привлекают внимание Судейкина. Свидания на улице или в трактирах крайне непрактичны. Лучше всего вести себя непринужденно, накликать даже на себя обыск, немножко чернопеределничать... Сочтут самым безвредным существом. Было бы очень важно затеять дело на Владимира и Толстого одновременно (конечно, неодновременно — это нелегко). Но так, чтобы лица, причастные к одному делу, не знали о готовящемся другом. В полицейском отношении, конечно, самый вредный для организации человек — Судейкин и его приятель Скандраков. Оба они любители своего дела по призванию и едва ли кем заменимы. Судейкин, впрочем, очень расхваливает своего помощника, Янковского¹³⁶, но трогать их прежде Влад<имира> и Толстого положительно не следует. Это значило бы предпочитать государственной пользе — личную (т. е. по отношению к организации). Но нельзя не признать, что пока существует Судейкин, организация всегда будет чувствовать себя под миной. Вот мои мысли. В частности вдаваться некогда, — хоть в них часто и бывает вся суть. Но по этой части есть люди, которым не мне давать советы.

Недавно арестованы Вера Фигнер и Никитина¹³⁷, вообще в Питере мало арестов, все в Москве да в провинциях. Говорил Плеве, что арестован Суровцев, хозяин типографии Нар<одной> Воли¹³⁸ (так ли, объяснят тебе Л. и М. Н.). Женщины сидят в Доме Предв<арительного> Закл<ючения>. Все они, кроме разве Ивановской, ужасно расстроены нервами и нездоровы. О сообщаемых мною сведениях и мыслях поговори с Л. и М. Н. (относительно других, как Жорж, Павел¹³⁹ — само собою разумеется). Я заторопился, вдруг кого-то привезли и посадили через две камеры от меня. Здесь окна матовые, форточка заделана густой сеткой, подходить к ней все-таки по правилам нельзя. Но я уже давно не обращаю внимания

на крики часовых и лишь заслышу стук экипажа во дворе, сейчас взбегу на окно. Привезли какого-то неважного совсем, ибо всего один офицер сопровождал. Обыкновенно же два или три жандарма. Заторопился я потому, что думал, не за мной ли приехала карета, чтобы отвезти в Д<ом> Пред<варительного> Зак<лючения>. Хотя теперь вижу, что нет, а торопливость все-таки не проходит. Сегодня отдаю эти листы и не знаю, успею ли еще написать. Поэтому на всякий случай прощаюсь с тобой, дорогой мой братик. Я часто целую твою карточку так же страстно, как моего живого Женюка. Подчас всплакну, когда раздумаюсь о тебе. Нельзя без этого. Здоровье мое слабое, но положительно не так, как ты предполагаешь. Все поправимо при иной обстановке. До сих пор совершенно не думал о суде. Надо будет все-таки подумать, что сказать по Чигиринскому делу. Я пробежал заключение (собственно, обвинительный акт) Палаты. Совсем иное впечатление получил, как будто от незнакомого мне дела. Очень интересное дело и гораздо грандиознее, чем мы знали. В общем, придется сказать то, что я уже писал тебе. Податель может подробнее узнать о Суде, о заявлениях подсудимых — пусть обо всем этом расскажет. Хотел взять мою защиту Спасович¹⁴⁰. Вообще адвокатам интересно на меня поглядеть. Но замечательно, Богдановичу в Жан<дармском> Управлении рекомендовали взять Николадзе¹⁴¹, человека на самом дурном счету у начальства. Я все же думаю, что не последний листок пишу тебе. Прощай, мой Женичек. Ты всегда был моим гением-хранителем. Будь им и впредь, если не разлюбил меня. Твой до гроба Митя.

Примечания

1. Плеве В. К. (1846—1904). В 1881—84 гг. — директор департамента полиции.
2. Защитником Стефановича на «Процессе 17-ти» был Е. И. Кедрин (1851 — после 1919).
3. Кара — Карийская политическая каторжная тюрьма в Забайкалье.
4. Письма Дейча, изъятые у Стефановича при аресте, см.: «Группа «Освобождение труда», сб. № 3, стр. 163—178.
5. Судейкин Г. П. (1850—1883). В 1878 г. — адъютант, затем помощник начальника Киевского губернского жандармского управления (ниже — ГЖУ), с 1882 г. — начальник Петербургского охранного отделения. Убит 16. XII. 1883 г. народолюбцами на квартире С. П. Дегаева и при его помощи.
6. Мальчик — В. П. Дегаев (1864 — после 1917). Младший брат С. П. Дегаева. В 1881 г. с вedomо С. П. Дегаева, С. С. Златопольского и, вероятно, Л. А. Тихомирова, вступил в контакт с Судейкиным, надеясь проникнуть в важные для «Народной воли» секреты сыска.
7. Телеграмма «жене» была условным знаком. Стефанович никогда женат не был.
8. Стефанович был арестован 5. II. 1882 г. в Москве с паспортом на имя дворянина Минской губернии М. В. Огрызко.
9. Скандраков А. С. (1849—1905). В 1870-х гг. служил в Киевском ГЖУ. В начале 1880-х — начальник Московского охранного отделения.
10. Стефанович, сидя в Московской Арбатской части, просил охранявшего его городского отнеси на почту письмо Дейчу, обещая за это золотые очки. См.: «Группа «Освобождение труда», сб. № 4, стр. 174—175.
11. Слезкин И. Л. (1818—1882). В 1867—82 гг. — начальник Московского ГЖУ.
12. Адрес, по которому Дейч должен был послать Стефановичу телеграмму, уведомляющую о получении письма, следующий: Петербург, вокзал Николаевской железной дороги. До востребования. Степану Васильевичу Яковлеву. См.: «Группа «Освобождение труда», сб. № 3, стр. 181.
13. Игнатьев Н. П. (1832—1908). С I. V. 1881 по 30. V. 1882 — министр внутренних дел.

14. Якимов В. М. (ок. 1859—1909). Арестован в конце марта; 1882 г. Липский А. А. (1858—?). Арестован летом 1882 г.; Чихачев Н. Н. — участники революционного движения 1870—1880-х гг., близкие к «Народной воле».
15. Любатович О. С. (1854—1917) — член Исполнительного Комитета «Народной воли» (ниже — И. К.). В октябре 1881 г. сумела уйти от внешнего наблюдения в Петербурге и была арестована 6. XI. 1881 г. в Москве.
16. Теллалов П. А. (1853—1883) — член И. К. Арестован 16. XII. 1881 г. «Прошлое» Теллалова — это участие осенью 1879 г. в подготовке покушения на Александра II.
17. Борейша А. С. (1858—1924) — народоволец, арестован 18. XII. 1881 г. На следствии дал откровенные показания.
18. Мартынов С. В. (1856—1919) — член И. К. Арестован 16. XII. 1881 г.
19. Владимир Александрович (1847—1909) — великий князь, брат Александра III.
20. Добржинский А. Ф. (1844—1897) — прокурор, один из самых опытных и коварных следователей по политическим делам.
21. Стрельников В. С. (1838—1882) — известный своей жестокостью военный прокурор. Убит 19. III. 1882 г. в Одессе Н. А. Желваковым при участии С. Н. Халтурина.
22. По игнаьевскому плану амнистии подлежали те нелегальные и эмигранты, которые не участвовали в покушениях на Александра II. План не был приведен в исполнение. См.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, стр. 383.
23. Дурново Е. П. (1854—1910) — участница революционного движения 1870—1900-х гг. Входила в «Черный передел». В 1880—86 гг. жила в эмиграции.
24. Голдовский — В. И. Иохельсон (1855—1937); Гартман Л. Н. (1850—1913) — народовольцы, находившиеся в начале 1880-х гг. в эмиграции. Упомянутое письмо В. И. Иохельсона от 2. III. 1882 г. опубликовано в кн.: «Историко-революционный сборник», т. 2, Л., 1924, стр. 401—405.
25. Оловенникова М. Н. (1853—1898). По первому мужу — Ошанина, по второму Кошурникова (Баранникова). Член И. К. После арестов в 1881 г. осталась одним из самых влиятельных членов Комитета. Весной 1882 г. эмигрировала.
26. Имеется в виду, по-видимому, О. Г. Павелко.
27. Бохановский И. В. (1848—1917) — вместе со Стефановичем и Дейчем — один из организаторов «Чигиринского дела». С 1878 г. жил в эмиграции.
28. Горинович Н. Е. (ок. 1855—?) — участник южных революционных кружков. Привлекался к дознанию по делу «193-х» и дал откровенные показания. Когда после этого стал разыскивать в Елизаветграде революционеров, то те заподозрили, что он это делает с целью нового предательства. В ночь на 11. VI. 1876 г. Л. Дейчем и В. Малинкой в Одессе было произведено покушение на Гориновича. Горинович был ранен в голову, но остался жив. Думая, что он мертв, покушавшие облили его серной кислотой. Версия об участии Стефановича в покушении основана на его собственном признании в этом на следствии, в Киеве.
29. Костюрин В. Ф. (1853—1919). Принимал участие в организации покушения на Гориновича. В 1879 г. был приговорен к десяти годам каторги. «Записка» — это, по-видимому, его показания по делу Гориновича.
30. Бух Н. К. (1853 — после 1934) — участник кружков «южных бунтарей», позднее — член И. К. Б. П. Трушковский — по-видимому, тот офицер, у которого Бух и Стефанович жили в Кишиневе во время покушения на Гориновича. См.: Н. К. Бух. Воспоминания, М., 1928, стр. 131.
31. Гейкинг Г. Э. (1835—1878). В 1874—78 гг. — адъютант Киевского ГЖУ.

32. См.: «Листок Громади», 1878, № 1, стр. 23—24; «Община», 1878, № 8—9, стр. 16.
33. Котляревский М. М. (1844 — после 1914). В 1878 г., будучи товарищем прокурора Киевского судебного округа, вел следствие по «Чигиринскому делу».
34. Ванновский П. С. (1822—1904). В 1881—98 гг. — военный министр.
35. Воронцов-Дашков И. И. (1837—1916). В 1881—97 гг. — министр двора и уделов.
36. Проекты указов «О создании крестьянского поземельного банка» и «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» были утверждены соответственно 26. IV. и 1. VI. 1882 г.
37. 6. VIII. 1880 г. III отделение было закрыто и его функции переданы департаменту полиции.
38. Фомин А. А. (1859—1933) — народоволец. Арестован 6. III. 1883 г.; Поддубенский Х. В. (ок. 1853—?) — народоволец. Арестован 5. IV. 1882 г.; Прозоровский — Ю. Н. Богданович; Ухов — В. А. Панкратьев (1855 — после 1894) — народоволец. Арестован 10. III. 1882.
39. Кобозев — Ю. Н. Богданович (1849—1888); Грачевский М. Ф. (1849—1887); Баранникова — М. Н. Ошанина; Фигнер В. Н. (1852—1942) — члены И. К.
40. Златопольский С. С. (1855—1885) — член И. К. С декабря 1881 г. находился в Москве. Арестован 19. IV. 1882 г.
41. По-видимому, имеется в виду Виноградов С. И. (1850 — после 1881).
42. Пиотровский — лицо неустановленное. Возможно, имеется в виду Рахальский П. О. (?—1883) — участник киевских революционных кружков, живший некоторое время по паспорту П. И. Петровского.
43. Саранчов И. М. (1856 — после 1890). Народовец, арестован весной 1881 г. Дал обширные показания предательского характера.
44. Тихомиров Л. А. (1852—1923). С 1879 г. член И. К., Распорядительной комиссии и редакции «Народной воли». Эмигрировал в 1882 г. В 1888 г. отрекся от революционных убеждений.
45. Гольденберг Г. Д. (1855—1880) — народоволец. Арестован в 1879 г. Обманутый следователем Добржинским, дал показания, сыгравшие большую роль в разгроме «Народной воли». Осознав факт собственного предательства, покончил в тюрьме жизнь самоубийством.
46. Братья Стефановича — Михаил (1857—1917) и Олимп (1858—1904). Участники революционного движения 1870-х гг.
47. Калужный И. В. (1858—1889) — агент И. К. Арестован 23. III. 1882 г.
48. Несколько иначе выглядит этот эпизод в пересказе В. И. Засулич. См.: «Былое», 1918, № 13, стр. 179.
49. Липка — Л. П. Барышева (ок. 1848 — после 1883) — сестра участницы «Киевской коммуны» М. П. Ковалевской, в начале 1880-х гг. была близка к народолюбцам.
50. Макова Н. И. (1847 — после 1886) — хозяйка одной из квартир народолюбцев в Москве. Арестована 26. X. 1882 г. Дала обширные показания о народнолюбческом Красном Кресте.
51. После того, как Стефановича перевезли из Москвы в Петербург, он содержался с 18. II. по 3. VI. 1882 г. в тюрьме при департаменте полиции, с 3. VI. по 10. VI. 1882 г. — в Петропавловской крепости, с 10. VI. 1882 г. по 26. III. 1883 г. — вновь в тюрьме при департаменте, после чего был переведен в Дом предварительного заключения.
52. В конце 1881 — начале 1882 гг. М. Н. Ошанина и Ю. Н. Богданович были хозяевами квартиры И. К. в Москве. Ю. Н. Богданович был арестован с паспортом на имя Прозоровского 15. III. 1882 г. Рассказ М. Н. Ошаниной о том, как ей удалось спастись от ареста, см. в кн.: Г. Ф. Чернявская-Бохановская. Мария Николаевна Оловенникова. М., 1930, стр. 23.

53. По «Процессу 20-ти», проходившему с 9 по 15 февраля 1882 г., десять подсудимых были приговорены к смертной казни. Девяти из них казнь была заменена пожизненной каторгой. Н. Е. Суханов (1851—1882), возглавлявший военную организацию «Народной воли», был расстрелян 19. III. 1882 г.
54. Толстой Д. А. (1823—1889). В 1882—89 гг. — министр внутренних дел.
55. Катков М. Н. (1818—1887). В 1863—87 гг. редактор «Московских Ведомостей». Имеются в виду его передовые статьи в «Московских Ведомостях» от 12 и 13. V. 1882 г.
56. Лампе И. Ф. (1860 — после 1891) — народоволец. Арестован 21. I. 1882 г.
57. С. Г. Нечаев (1847—1882). Организатор общества «Народная расправа». В 1873 г. приговорен к двадцати годам каторги. Отбывал в Алексеевском равелине. В 1877—1880 гг. распропагандировал охрану равелина. Деятельность Нечаева была обнаружена в середине декабря 1881 г. 24 солдата охраны были преданы суду, Нечаев переведен в совершенно изолированную камеру, где через полгода и умер.
58. Письмо от 14. IV. 1882 г. См.: «Группа «Освобождение труда», сб. № 4, стр. 96—98.
59. Потапов А. Л. (1818—1886). В 1874—76 гг. — шеф жандармов и начальник III отделения. В 1876 г. в ответ на угрозу Потапова подвергнуть Нечаева телесному наказанию, тот нанес Потапову пощечину.
60. 13. VII. 1877 г. по приказанию петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова (1812—1889) был подвергнут телесному наказанию политзаключенный Боголюбов — А. С. Емельянов (ок. 1852 — после 1885).
61. Мезенцев Н. В. (1827—1878). В 1876—78 гг. — шеф жандармов и начальник III отделения.
62. Динамитная мастерская «Народной воли» была захвачена 5. VI. 1882 г. При обыске было обнаружено много взрывчатых веществ и один снаряженный динамитный снаряд.
63. Письмо от 16. VI. 1882 г. — Архив Дома Г. В. Плеханова. АД. 4.263.7.
64. Корба А. П. (1849 — не ранее 1937) — член И. К. Арестована 5. VI. 1882 г.
65. Андреев Н. П. (1853 — после 1900) — агент И. К. Арестован 5. VI. 1882 г.
66. Быховский С. В. (1851 — после 1885). В 1874 г. был близок к киевским «чайковцам». Арестован 5. VI. 1882 г. и вскоре освобожден под особый надзор полиции.
67. Весной 1882 г. с Кары бежали восемь человек. И. Н. Мышкин (1848—1885) и Н. Е. Хрущов (1858 — после 1889) добрались до Владивостока, где были арестованы. Ф. Н. Юрковский (1851—1896) был пойман казаками на границе с Китаем.
68. Кибальчич Н. И. (1854—1881); Гельфман Г. М. (1854—1882); Колодкевич Н. Н. (1850—1884) — видные народовольцы. В 1870-х гг. каждый из них по несколько лет провел в предварительном заключении.
69. Николаевский Завод — тюрьма Петровского Завода, где с 1830 г. отбывали каторгу декабристы.
70. Дурново И. Н. (1830—1903). В 1882—86 гг. товарищ министра внутренних дел.
71. См. примечание 63.
72. Лорис-Меликов М. Т. (1825—1888) — с августа 1880 по май 1881 г. — министр внутренних дел.
73. Станюкович К. М. (1843—1903) — писатель, был связан с революционными кругами.
74. Меркулов В. А. (1860 — после 1910) — народоволец. Арестован 27. II. 1881. Во время следствия сделался предателем.
75. В 1883 г. в Петербург приехали две сестры Стефановича — Вера и Мария.

76. Балк — лицо неустановленное.
77. Летом 1882 г. народовольцы предприняли попытку освободить революционера М. Э. Новицкого (1855—1920) из Саратовской тюрьмы. Попытка окончилась неудачно.
78. Ивановская П. С. (1853—1935) — агент И. К. Арестована 13. IX. 1882 г.
79. Трудницкий Г. С. (1854—1876); Веледницкий; Богуславский А. А. (1854—1880) — участники киевских революционных кружков 1870-х гг. Во время следствия дали обширные показания, частично изданные департаментом полиции в кн.: «Свод указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях, СПб., май 1880 года». [СПб.], 1880.
80. Имеется по-видимому, в виду книга: А. П. Мальшинский. Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880.
81. Михайлов М. Л. (1829—1865) — писатель-революционер.
82. Очерк Стефановича пока не обнаружен.
83. Вера — Засулич В. И. (1849—1919) — видная участница революционного движения, близкий друг Стефановича.
84. На «Процессе 17-ти» председательствовал сенатор Д. С. Синекоков-Андреевский (1829—1905).
85. Братчики — члены «Христианского братства».
86. Клеточников Н. В. (1846—1883) — агент И. К. С января 1879 по январь 1881 г. служил по заданию народовольцев в III отделении.
87. Оржевский П. В. (1839—1897). В 1882—87 гг. товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов.
88. Анна Алек. — лицо неустановленное. Возможно, имеется в виду А. С. Решикова (Серебрякова), позднее известная провокаторша. О ее близкой дружбе с Е. П. Дурново см.: «Группа «Освобождение труда», сб. № 5, М.—Л., 1926, стр. 48.
89. Желиховский В. А. (1843 — после 1915) — прокурор, обвинитель в нескольких крупных политических процессах.
90. Романенко Г. Г. (1855—1928) — член И. К. В Россию из эмиграции вернулся летом 1881 г., а 9. XI того же года был арестован. Был административно сослан в Ташкент.
91. Имеется в виду О. Любатович, на квартире которой Романенко был арестован.
92. Любопытные подробности об отношении С. С. Златопольского к Романенко, а также вообще об взаимоотношениях в И. К. содержатся в неопубликованной части письма Стефановича Дейчу от 17. I. 1883 г. АД 4.263.
93. В начале 1882 г. члены «Христианского братства» В. Гусев и Ф. Крылов вели пропаганду в секте «сютаевцев», которой руководил крестьянин Новоторжского уезда Тверской губернии В. К. Сютаев. «Братчики» передали Сютаеву брошюры «Соборное послание Христианского братства...» и «Соборное уложение Христианского братства». Задержать пропагандистов полиции не удалось. Вскоре после этого Гусев и Крылов уехали в Саратов. Видимо, именно они отправили отсюда «Послание» Сютаеву. Во время ареста у Стефановича было изъято несколько сотен экземпляров брошюр «Христианского братства». Стефанович пытался убедить следствие в том, что «братчики» только воспользовались народовольческой типографией и больше никакого отношения к партии не имели.
94. 27. V. 1882 г. по подозрению в сходстве с Ф. Крыловым в Тверь был доставлен И. Ф. Лампе. Свидетелями-сектантами сходство Лампе с разыскиваемым пропагандистом не было подтверждено.
95. Присецкий И. Н. (1858—1911) — участник революционного движения 1870—1880-х гг. В 1881—82 гг. жил в Белграде. Упомянутое письмо см.: «Группа «Освобождение труда», сб. № 4, стр. 222—225.
96. Н. А. Троицкий отмечает, что «агентами именно 3-й степени называли себя после ареста, как правило, все члены И. К. (Н. А. Троицкий. «На-

родная воля» перед царским судом. Саратов, 1971, стр. 209.) Это соответствовало Уставу И. К.

97. Определить сколько-нибудь точно количество членов партии «Народная воля» не представляется возможным. Число участников революционного движения 1879—1882 гг. — приблизительно 3,5 тыс. человек. См. об этом: Л. Я. Лурье. Возрастная структура «семидесятников» (в печати).

98. № 10 «Народной воли» вышел в сентябре 1884 г.

99. Типография была захвачена 18. VI. 1882 г. Хозяева квартиры — Г. Ф. Чернянская-Бохановская и Д. Я. Суворцев успели скрыться.

100. Муравьев Н. В. (1850—1908). В 1881—84 гг. — прокурор Петербургской судебной палаты. До этого читал в Московском университете лекции по уголовному судопроизводству.

101. Санковский Н. М. (1854—1890) — 13. XI. 1881 г. совершил покушение на генерала Черевина. Заявление о непричастности И. К. к этому покушению было напечатано вначале отдельно 22. XI. 1881 г., а затем в № 7 «Народной воли» 23. XII. 1881 г.

102. Объявление И. К. об убийстве Стрельникова появилось осенью 1882 г. 103. № 8—9 «Народной воли» вышел 5. II. 1882 г. В передовой статье (авторы, предположительно, В. Лебедев и М. Ошанина) отстаивался принцип «захвата власти».

104. Имеется в виду следующее место из письма Дейча от 2. II. 1882: «Кум Судейкин несомненно извлечет из него (В. Дегаева — публ.) больше пользы, чем вы; кум, наверное, знает, что мальчик поставлен кашеями (народовольцами — Л. Л., А. Р.) и надеется их перехитрить, что ему, вероятно, удастся...». См.: «Группа «Освобождение труда», сб. № 3, стр. 171. Впоследствии Дейч неоднократно высказывал мысль, что аресты весной 1882 г. в Москве явились результатом слежки за В. Дегаевым.

105. 11. II. 1879 г. в Киеве под руководством Судейкина были произведены аресты революционеров-народников. В доме Коссаровского в квартире братьев Ивичевичей жандармам было оказано вооруженное сопротивление. На квартире курсистки Н. Я. Бабичевой (дом Батухина на той же Жилинской улице) были арестованы находившиеся там В. Дебогорий-Мокриевич, М. Ковальская и П. Орлов.

106. Осинский В. А. (ок. 1853—1879) — революционер-народник, организатор и участник нескольких террористических актов. Арестован в Киеве 25. I. 1879 г.

107. Имеется в виду побег Стефановича и др. из киевской тюрьмы в мае 1878 г.

108. Официально оклад Судейкина в это время (вместе с разъездными и столовыми, квартира ему предоставлялась казенная) — 3500 рублей. Какие суммы, кроме этой, получал Судейкин, неизвестно. Следует учесть, впрочем, что в его руках находились значительные средства «на расходы по наблюдению, розыскам и на содержание агентам». По штатному расписанию на 1883 год эта сумма составляла 72 990 рублей. См.: ЦГАОР, ф. 63, оп. 1, № 340, т. 1, л. 225. (Сообщено Ю. А. Дмитриевым.)

109. Соловьев А. К. (1846—1879). 2. IV. 1879 г. совершил неудавшееся покушение на Александра II. Слова Судейкина подтверждают ходившие в революционных кругах слухи о том, что Соловьева на следствии пытали.

110. Михайлов А. Д. (1855—1884) — виднейший член И. К. «Народной воли». С 26. II. 1882 г. по 18. III. 1884 г. отбывал каторгу в Алексеевском ревелине. Умер от острого катарального воспаления легких. Слух 1883 г. о его смерти ошибочен.

111. Адриан — Михайлов А. Ф. (1853—1929). Революционер-земледелец. А. Ф. Михайлов в побеге с Кары не участвовал, и его в Петербург не переводили.

112. Златопольский Л. С. (1847—1907) — агент И. К. «Народной воли», брат С. С. Златопольского. Судился по «Процессу 20-ти», был приговорен к двадцати годам каторги. После суда вызвался написать проект об изменении социального строя под названием «Основание рациональной

- системы общественно-экономической деятельности». Для работы над проектом с 2. III. по 27. V. 1882 г. содержался в тюрьме при департаменте. Полезных для сыска указаний не дал и был возвращен в Трубецкой бастион, а затем отправлен на Кару.
113. Имеется в виду книга: Николай Иванович Кибальчич (Материал к биографии). Лондон, 1882. Здесь были напечатаны воспоминания о Кибальчиче Л. Г. Дейча.
114. О какой итальянской книге идет речь, неизвестно. В письме от 10. X. 1882 г. Стефанович просил прислать ему итальянскую грамматику. См.: «Группа «Освобождение труда», сб. № 4, стр. 170.
115. «Автобиографические заметки А. Д. Михайлова». — В сб.: «На родине», № 3, Женева, 1883, стр. 5—30.
116. Имеется в виду первое (на итальянском языке) издание книги С. Кравчинского «Подпольная Россия» (Милан, 1882).
117. Неясно, какая из книг Маркса имеется в виду. Известно, что Стефанович интересовался трудами Маркса. 21. III. 1883 г. он писал Дейчу: «Было бы очень хорошо, если бы душеприказчики Маркса уступили бы вам перевод на русский язык его книги «Производство». Напечатание ее в нашей типографии было бы большой для нее (типографии) честью, а издержки, наверно, окупились бы даже при тайном распространении книги в России». См.: Архив Дома Г. В. Плеханова. АД 4.263.18, л. 2.
118. Видимо, имеется в виду книга: *Étude sur mouvement communaliste à Paris en 1871, par G. Lefrançais, ... Neuchâtee, 1871.*
119. Последнее по отношению к письму Стефановича издание этой книги Луи Блана вышло в Париже в 1881 г.
120. Имеется в виду книга: *La Politique moderne, traité complet de politique, par N. Villiamé. Paris, 1873.*
121. Имеется в виду книга: *Histoire de l'Internationale, par E. Villetard, ... Paris, 1872.* Было также и издание 1871 г.
122. В 1883 г. брат Я. В. Стефановича Олимп находился в ссылке в Сибири в Тюкалинске.
123. Лебедева Т. И. (1850—1887) — член И. К., гражданская жена члена И. К. Фроленко М. Ф. (1848—1938). Фроленко был арестован 17 III. 1881 г., Лебедева — 3. X. 1881 г.
124. Л. Г. Дейч находился в постоянной переписке с отцом Я. В. Стефановича В. И. Стефановичем, сельским священником, проживавшем в селе Дептовка Черниговской губернии. Письма сохранились в фонде Л. Г. Дейча в Архиве Дома Г. В. Плеханова. АД 1.23.
125. Лицо, которое должно было отвезти это письмо за границу, не установлено.
126. Лиза — Хотинская Е. А. (1855 — после 1895) — близкий друг Стефановича, Дейча, Засулич. В 1879—95 гг. жила в эмиграции.
127. Халтурин С. Н. (1856—1882) — организатор Северо-Русского рабочего союза, член И. К.; Желваков Н. А. (ок. 1860—1882) — народовец. Казнены 22. III. 1882 г. в Одессе. При допросе Халтурин не назвал своей настоящей фамилии и был повешен как Степанов. Его фотографию предъявили Стефановичу для опознания. Стефанович подтвердил, что на фотографии — Халтурин.
128. Василь-Игнатов В. Н. (1854—1885) — чернопередец, позже член группы «Освобождение труда». Мария — Игнатова М. В., двоюродная сестра В. Н. Игнатова. В 1880—81 гг. М. В. ездила с больным В. Н. за границу.
129. Деньги для оказания материальной помощи Стефановичу были выделены не из сумм «Красного Креста», а переданы Л. Г. Дейчу В. Н. Игнатовым.
130. «Неделя» — популярная политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1866—1901 гг.
131. Письмо Александру III — документ, с которым И. К. «Народной воли» обратился к правительству после царевубийства 1 марта. В письме содержа-

лись требования амнистии, установления политических свобод, выборов в народное собрание.

132. Клемансо Ж. (1841—1929) — французский политический и государственный деятель. В начале 1880-х гг. — лидер радикалов. Выдвинул широкий план буржуазно-демократических реформ.

133. «Бисмарковским органом» обычно называли ежедневную газету «Norddeutsche allgemeine Zeitung».

134. «Бедоносцев» — Победоносцев К. П. (1827—1907). В 1880—1905 гг. обер-прокурор Синода.

135. В конце 1881 г., по поручению И. К., Стефанович совершил поездку в Орел, где познакомился с орловскими офицерами-народовольцами. См.: Архив Дома Г. В. Плеханова. АД 10.2, тетрадь 3, л. 98.

136. Янковский Г. И. — помощник Судейкина с лета 1882 г.

137. В. Н. Фигнер была арестована 10. II. 1883 г. С. В. Никитина (1860—1884) — народоволка. Арестована 13. I. 1883 г.

138. 18. XII. 1882 г. в Одессе была захвачена типография «Народной воли». при этом были арестованы Д. Я. Суровцев (1852—1925), а также С. и Л. Дегаевы.

139. Жорж — Г. В. Плеханов (1856—1918); Павел — П. Б. Аксельрод (1850—1928).

140. Спасович В. Д. (1829—1906) — известный адвокат, выступал на ряде народовольческих процессов. На «Процессе 17-ти» защищал супругов Прибылевых.

141. Николадзе Н. Я. (1843—1928) — журналист, адвокат. В 1882 г. был посредником в переговорах «Священной дружины» с «Народной волей». В «Процессе 17-ти» участия не принимал.